

Assassin's Creed. Ересь

Автор:

[Кристи Голден](#)

Assassin's Creed. Ересь

Кристи Голден

Assassin's Creed

Англия, наши дни. Высокопоставленный тамплиер и новый директор Центра исторических исследований Саймон Хэтэуэй делает амбициозное предложение: применять усовершенствованный «Анимус» не к потомкам ассасинов, а... к самим тамплиерам. И начать он предлагает с себя, полагая, что его ДНК может скрывать ничуть не меньше информации как о вечных врагах тамплиеров, так и о частицах Эдема, поисками которых орден занимается на протяжении всего своего существования. Хэтэуэй добивается согласия высшего совета, но на эксперимент ему выделена всего неделя. Профессор даже не подозревает о том, сколь много ему удастся узнать за столь короткий срок. Возможно, даже откроется опаснейшая правда: кто истинный последователь учения, а кто – искусно притворяющийся еретик...

Впервые на русском!

Кристи Голден

Assassin's Creed

Ересь

Christie Golden

© 2017 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Assassin's Creed, Ubisoft and the Ubisoft logo are registered or unregistered trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

* * *

Пролог

Прохлада осенней ночи легко проникала сквозь тонкую рубашку мужчины, который бежал вначале по бетонной дорожке, а затем по стриженной траве всяческого садика, разбитого на крыше здания. «Зачем я сюда забрался, – ругал себя беглец, но было уже поздно. – Это же чертова мышеловка!»

Его преследовали тамплиеры.

Они знали, куда он побежал. Знали и то, что на крышу, как и с крыши, есть только два пути – лифт и две лестницы. Как раз с лестницы они и появились, молча усмехаясь.

«Думай! Думай!» – все повторял про себя мужчина.

Раньше активная работа мозга не раз помогала ему найти путь к спасению. Он всегда полагался на рациональное логическое мышление, чтобы выпутаться из затруднительных положений, в которые с какой-то садистской регулярностью ставила его жизнь. Но сейчас он был просто не способен мыслить рационально.

За спиной началась бешеная пальба. «Деревья!» – завопил мозг, и это логичное умозаключение спасло мужчине жизнь. Он побежал, словно пьяный, зигзагами, по направлению к деревьям, кустарникам, скульптурам и лоткам для продажи мороженого и напитков, покинутым своими хозяевами в столь поздний час. За ними можно было спрятаться от града пуль.

Но это укрытие лишь отсрочит неизбежное.

Он знал, на что способны тамплиеры. Он также догадывался, что им от него нужно. Они не собираются задавать вопросы, но намерены убить его, и поэтому очень, очень скоро он будет мертв.

Он не был безоружным, его оружие было древним и мощным – меч Эдема, который на протяжении веков переходил из рук тамплиеров в руки ассасинов и обратно. Мужчина уже пользовался им прежде. Меч был привязан к его спине, и это одновременно успокаивало и внушало уверенность. Он не достанет меч. Сейчас это оружие не сможет его защитить.

Тамплиеры упорно шли к своей цели, а целью было господство над всем живым и смерть – его смерть. И у мужчины был только один выход. Это будет невероятное чудо, если все получится.

Сердце бешено колотилось, легкие разрывало от напряжения и боли, он бежал на пределе сил. Какой бы ни была его физическая подготовка, какой бы ДНК он ни обладал, он был всего лишь человеком. Который тем не менее не сбавлял скорости. Не имел права сбавить. Не мог позволить рациональному логическому мышлению заглушить врожденный инстинкт самосохранения. Не мог позволить уму взять верх над телом.

Потому что его тело знало, для чего оно предназначено. И знало, как выполнить свое предназначение.

Ветка дерева рядом с ним разлетелась на мелкие щепки, расцарапав лицо. Показалась кровь.

Не оставалось сомнений, какую судьбу уготовили ему тамплиеры. Каменный купол, полукругом нависающий над частью сада, разбитого на крыше лондонского офиса «Абстерго индастриз», был его последним отчаянным шансом на спасение.

Только бы хватило веры им воспользоваться.

Мужчина продолжал бежать. Достигнув края стены, он ринулся вперед, как бегун, берущий препятствие, перебирая в воздухе длинными ногами, раскинул руки...

И прыгнул.

1

Огонь факелов плясал, отбрасывая уродливые тени на каменные стены комнаты, на деревянные двери, окованные железом, и на парадный портрет самого знаменитого из всех Великих магистров ордена тамплиеров. Послушник в тяжелой красной мантии поверх белого одеяния, подняв голову, вглядывался в обрамленное седой бородой лицо человека с добрыми глазами.

Глубокий и низкий голос неожиданно нарушил тишину:

– Жак де Моле был последним публичным Великим магистром ордена тамплиеров. Его незаслуженно обвинили в ереси бесчестные люди. Те, кто не думал об улучшении человеческой природы и преследовал только свои корыстные интересы. Лучшие из нас свидетельствовали о самых страшных его преступлениях – преступлениях, которых он не совершал. Его враги и сама история уверовали, что с его смертью умер и орден. Но это не так.

Магистр тамплиеров подошел и встал рядом с послушником:

– Жак де Моле умер в страшных муках ради того, чтобы орден продолжил свое существование... в тайне; и членами его становились лишь те, кто готов пожертвовать ради ордена своей жизнью.

Послушник посмотрел магистру прямо в глаза.

– Будь неприметным, как пыль, и неподвижным, как камень, – сказал магистр. Он вытянул руку в перчатке, указывая на мраморный пол. Послушник распростерся на холодном полу лицом вниз, раскинув руки в стороны. – Ты пройдешь сквозь тени ночи с Отцом Понимания. Он снимет с тебя то, что

ослабляет орден, и облачит в одежды уверенности. Он опустошит тебя и вновь наполнит целью. И не будет сна, и не будет сновидений. С рассветом мы придем за тобой. И если ты будешь достоин, мы возвысим тебя. Но если ты не обретешь нужных качеств, мы повернемся к тебе спиной. Да направит тебя Отец Понимания.

Раздался тихий звук удаляющихся шагов, затем скрип двери, которая с тяжелым стуком закрылась. В замке повернулся ключ.

Послушник остался лежать в полном одиночестве. Единственным способом покинуть комнату для него было выйти через ныне запертую дверь новоиспеченным и полноправным членом Внутреннего Святилища ордена тамплиеров.

Если он провалит испытание... Нет. Такой мысли послушник не допускал.

Уснуть он не боялся. Факелы достаточно хорошо освещали комнату, но не грели, мраморный пол вытягивал из тела тепло, несмотря на двойной слой ритуального облачения. Время текло равнодушно и неторопливо, особенно остро это ощущалось в неудобной позе креста. И казалось, прошла целая вечность, прежде чем наконец в замке заскрежетал ключ. Послушника подхватили под руки и поставили на ноги, он сцепил зубы, чтобы не застонать от боли: несколько часов неподвижного лежания на холодном полу сделали свое дело – тело одеревенело.

Он молча пошел за теми, кто поднял его. Мраморный пол сменила сланцевая плитка. Они шли по арочному переходу из кирпича и камня, стены которого составляли стволы деревьев. Их кроны мощно тянулись вверх и терялись где-то высоко в темноте, недоступные для света факелов.

Его ждали. Все присутствующие были облачены в мантии с низко опущенными капюшонами, которые отбрасывали густую тень, и, несмотря на то, что в руках у этих людей были восковые свечи, их лиц было не рассмотреть, и лишь пламя свечей искрами отражалось в их глазах.

– У человеческого тела есть сердце, – зазвучал голос магистра. – У земли есть ядро. Все в природе имеет свой центр – источник таинственной силы. И у ордена тамплиеров есть источник силы – Внутреннее Святилище. Девять их: три раза по

три. Девятым станешь ты, если достоин. Назови три истины, которые открылись тебе об ордене во время твоего ночного бдения.

Вопрос застал послушника врасплох. На мгновение он впал в ступор, но почти тут же быстро заговорил:

– Мне открылось, что истинные знания приходят только к тем, кто искренне жаждет их. Мне открылось, что власть должна сосредоточиться в руках тех, кто может стать выше противостояния, поскольку только они могут видеть все хитросплетения узора. Мне открылось, что мудрость – это проявление власти, ведомой знанием и пониманием.

Члены Внутреннего Святилища ордена тамплиеров молча переглянулись.

Магистр продолжал:

– В мире мало тамплиеров, но еще меньше тех, кто может войти в святая святых – Внутреннее Святилище ордена. Ты уже поклялся хранить верность принципам ордена и присягнул следовать нашим целям. Готов ли ты углубиться в наш источник силы и встать плечом к плечу с теми немногими, кто трудится, чтобы придать миру надлежащую форму? Готов ли ты поклясться молчать о том, что здесь произошло, и пополнять источник силы своими знаниями и никогда не изменять тому, что есть суть тамплиера?

– Ведомый Отцом Понимания, я клянусь, – ответил послушник.

После долгой паузы магистр наконец кивнул. И словно по команде все присутствующие поднесли свечи к лицам, делая видимыми их черты.

– Отныне ты член Внутреннего Святилища ордена тамплиеров. – Магистр приколол к одеянию послушника булавку – длинный серебряный меч с эфесом в виде маленького широкого креста с рубином в центре. Это было не просто украшение. Острый кончик булавки покрывал тонкий слой яда. Этим оружием можно было убить напавшего врага... или самого себя. Как только магистр приколол булавку к одеянию послушника, тамплиеры задули свечи. – Поприветствуй своих собратьев, Саймон Хэтэуэй.

Факелы, искусно создававшие голограммы пламени, мгновенно «потухли», и конусы плавно втянулись в ниши на стенах, облицованных серой сланцевой плиткой. Раздался тихий щелчок, и маленькие дверцы за конусами закрылись. Зажегся свет, вначале достаточно тусклый, чтобы дать глазам привыкнуть. На одной из стен декоративная панель из камня с тихим жужжанием отъехала в сторону, открывая карту мира с маленькими мигающими светодиодами. Разным цветом были выделены зоны активности «Абстерго индастриз» и ордена тамплиеров.

Члены Внутреннего Святилища откинули капюшоны своих плащей, сбросили ритуальные мантии и приветствовали новичка, вошедшего в их состав. Саймон, пользуясь случаем, принялся рассматривать свое тяжелое облачение. Оно было изготовлено вручную. Вся работа, начиная со стрижки овец, – чесание шерсти, прядение, окрашивание – была проделана без применения машин. А вышивка! Хэтэуэй покачал головой, восхищаясь, сколько труда было вложено в это облачение, которое он наденет вновь, когда во Внутреннее Святилище будут принимать очередного тамплиера. Узор, по всей видимости, в точности воспроизводил тот, что украшал одежду членов его ордена в Средние века. Будучи историком, Саймон высоко ценил стремление к подлинности.

С неохотой новый член Девятки сменил ритуальное облачение на привычный пиджак и повернулся к своим товарищам. Всех их он более или менее знал: Летиция Инглэнд – глава оперативного отдела, которая, несмотря на свое необычное имя, была американкой и работала в Филадельфии; Мицуко Накамура – руководитель отдела генеалогических исследований и сбора данных – постоянно перемещалась между офисом в Филадельфии и кампусом в Риме. Саймон отчаянно завидовал ей. В «Абстерго» «сбор данных» означал не то же самое, что в других компаниях. Под этим термином понималось тестирование субъектов и определение их пригодности для работы в «Анимусе» – с этим последним словом науки и техники Саймону еще только предстояло познакомиться на практике.

Саймон давно и достаточно хорошо знал всегда несколько нарочито веселого Альваро Граматику из отдела технологий будущего и жестокого Юхани Отсо Берга. Оба находились в разных частях света, каждый выполнял поставленную перед ним задачу. Они не могли физически присутствовать на официальном введении Саймона во Внутреннее Святилище ордена, но их лица смотрели на новичка с огромных экранов.

Оба мужчины работали с предшественником и боссом Саймона – Изабель Ардан. Чуть более года назад она была убита ассасином. Саймон не испытывал к ней особого расположения, но, по правде говоря, он ко всем относился примерно одинаково: не существовало людей, которые бы ему особенно нравились или не нравились. С Изабель они вместе учились в Кембридже – и эта женщина уж точно не заслуживала быть убитой ножом в спину трусом, не осмелившимся взглянуть ей в лицо. У Саймона остались претензии к Бергу, который в ночь гибели Изабель обеспечивал ее безопасность и должен был предотвратить убийство.

Также присутствовали Альфред Стернс и Дэвид Килкерман, который сменил Уоррена Видика на посту главы проекта «Анимус». Смерть Видика вряд ли будет кем-то оплакана, и уж точно не Саймоном. Килкерман, высокий и довольно упитанный, любил много и громко смеяться, но мягкость его плоти ни в коей мере не отражала мягкости его характера. Стернс был самым пожилым из девяти членов Внутреннего Святилища ордена. На стыке тысячелетий он курировал проект «Великая чистка» – операцию по уничтожению тренировочных баз и убежищ ассасинов. Когда Стернс вышел в отставку, его сменила Летиция, став главой оперативного отдела, но Альфред не перестал быть ценным сотрудником корпорации и членом Внутреннего Святилища. Они вежливо пожали друг другу руки. И хотя Стернс, которому было хорошо за восемьдесят, имел вид благообразного старичка – лысый, с белоснежной, коротко стриженной бородкой, – Саймон считал его самым опасным человеком из всех, с кем ему доводилось встречаться.

Агнету Рейдер, главного исполнительного директора финансовой группы «Абстерго», Саймон видел впервые. Спокойная и обаятельная – именно такой человек и должен стоять во главе одной из важнейших структур «Абстерго».

И конечно, здесь был Алан Риккин, генеральный директор «Абстерго индастриз», самый высокопоставленный тамплиер из тех, кого Саймон знал. Насколько ему было известно. В вопросах иерархии ордена никогда нельзя было быть уверенным на сто процентов.

Риккин был публичным лицом «Абстерго». Иного человека на его месте Саймону трудно было представить. Блестящий интеллектуал, предельно сдержанный, Риккин прекрасно управлял аудиторией и заставлял весь мир себя слушать.

Дверь в комнату открылась, вкатили два столика, и мистический ореол таинственности исчез, прошлое уступило место приятному настоящему с милым сердцу звяканьем чашек, блюдец, ножей и вилок – члены Внутреннего Святилища ордена рассаживались для традиционного английского завтрака. На мгновение показалось, что в действительности строгий ритуал совершался много столетий назад, а не сейчас – в двадцать первом веке.

– Хэтэуэй, вам понравился ваш новый офис? – спросила Мицуко Накамура.

– Я еще не вполне устроился, – ответил Саймон. Он извлек из кармана пиджака очки в тонкой золотой оправе, которые ладно сели на его орлиный нос. – Я хотел вначале убедиться, что принят во Внутреннее Святилище ордена. Неразумно упаковывать вещи дважды.

Раздался смех.

– Практичный подход, – сказала с экрана неестественно большое и чрезмерно веселое лицо Альваро Граматики. Изабель терпеть его не могла, и Саймон вынужден был признать, что готов отнести Альваро к категории тех, кто ему не нравится. Сейчас, когда Хэтэуэй стал главой Центра исторических исследований, ему намного чаще придется лицезреть этого ехидного аккуратиста. Какое счастье!

– Надеюсь вывести Центр на качественно новый уровень, – вежливо сказал Саймон и погрузил идеально хрустящий тост в золотисто-оранжевую мякоть яичного желтка.

– Мы просмотрели файлы Изабель, ваше имя там упоминалось несколько раз, – сказал Риккин. – Вам удалось произвести на нее впечатление – непростая задача.

– Спасибо, сэр. Я польщен. Изабель превосходно справлялась со своей работой, и я приложу все усилия, чтобы мой подход к делу достойно служил ордену.

– Хотите сказать, что не вполне одобряете то, как Изабель организовала работу Центра?

И хотя все, включая американцев, в соответствии с традицией пили чай, Саймон отметил, что Риккин, сверля его взглядом, помешивал кофе, поблескивая серебряной ложечкой.

Саймон поставил чашку на блюдце – фарфор мелодично звякнул – и обратился к своему работодателю:

– Я с уважением отношусь к тому, что делала Изабель, но, имея собственную точку зрения, хотел бы в соответствии с ним и организовать работу Центра.

– Продолжайте.

«Ну что ж, поехали», – подумал Саймон.

– Прежде всего... я – историк. Это моя область компетенции и самая сильная сторона. В конце концов, порученный мне Центр занимается исследованием и анализом исторических процессов.

– И все усилия отдела направлены на то, чтобы способствовать осуществлению целей и задач ордена, – вставила Летиция.

– Совершенно верно. Я думаю, возвращение к изначальному предназначению отдела принесет громадную пользу ордену, и вот почему.

Саймон встал, подошел к стене и нажал кнопку. Панель отъехала, и за ней оказалась белая магнитная доска с несколькими маркерами.

– Саймон, вы единственный из всех, кого я знаю, кто для презентаций до сих пор пользуется белой доской, – с сожалением в голосе произнес Килкерман.

– Помолчи, Дэвид, иначе я потребую предоставить мне обычную школьную доску, а тебя попрошу сбегать помыть тряпку, – осадил его Саймон. На саркастическое замечание несколько человек хмыкнули, а Килкерман расхохотался громче всех. На доске Хэтэуэй написал «Центр ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ», отступил, внимательно изучая надпись, затем выпрямил «Т» в слове «исторических». – Итак, в нашей работе самый мощный инструмент – «Анимус». – Саймон кивнул в сторону Килкермана; руководитель проекта в ответ

поднял вверх тост с толстым слоем апельсинового джема. – Нам всем хорошо известно, что он делает: обеспечивает доступ к генетической памяти объектов исследования, фокусирует внимание на определенных предках и так далее. Насколько я понимаю, есть новый «Анимус», что называется, только что с конвейера, готовый к использованию. Верно, Дэвид?

– Именно так, – подтвердил, выпрямляясь, Килкерман. – Модель 4.35, настоящий технологический прорыв. Она позволяет устранить такие побочные эффекты, как тошнота и головная боль. Плюс мы нашли способ сделать эту модель более интегративной.

– Лично меня это крайне радует и вдохновляет, и сейчас вы поймете почему, – сказал Саймон. Он вновь повернулся к доске, ярко-красным написал слово «АНИМУС», а от него вправо и влево провел две стрелки. – До сих пор мы использовали «Анимус» преимущественно для сбора определенной информации, которая помогала нам найти частицы Эдема.

Тамплиеры преследовали одну-единственную цель – направлять развитие человечества в нужное им русло. При этом средств достижения этой цели существовало великое множество. Частицы Эдема были самым важным из них. Они представляли собой реликвии, оставленные некой цивилизацией, известной под разными именами – Ису, Предтечи, Первая цивилизация или Те-Кто-Пришел-Раньше. Эта цивилизация не только предвосхитила, но и создала человечество и в течение какого-то времени эксплуатировала его. Дошедшие из глубины веков отдельные элементы технологий Предтеч способны наделять тех, кто их использует, различными способностями и, что самое главное, властью над другими людьми. Ценность частиц Эдема не укладывается в рамки традиционной классификации «исторических» или «материальных» объектов. Орден тамплиеров мог похвастаться самой большой в мире коллекцией этих древних технологий, но и он не владел всеми бесценными артефактами, тем более что часть этой коллекции находилась в нерабочем состоянии или не могла быть использована по другим причинам.

– Как только мы узнавали о существовании частицы Эдема – скажем, из упоминания в каком-нибудь древнем манускрипте, – продолжал Саймон, – или узнавали о человеке, который каким-то образом связан с такой частицей, мы сразу же начинали поиск.

Под левой стрелкой, идущей вниз от слова АНИМУС, Саймон написал – ИНФОРМАЦИЯ. Ниже быстро добавил 1. Частицы Эдема, еще ниже – а) Установить местонахождение.

– Во время поиска среди прочих методов мы используем имеющийся в нашем распоряжении огромный объем живого генетического материала, известный еще как «ценные клиенты» и «лояльные сотрудники „Абстерго индастриз“».

Под а) Установить местонахождение Саймон написал – i. Клиенты и сотрудники.

– Второе направление наших исследований сводилось к сбору информации о наших давних врагах – ассасинах. Мы искали их наряду с частицами Эдема.

Саймон написал – 2. Ассасины – и ниже – а) Установить местонахождение, i. Клиенты и сотрудники.

– Это помогало усилить влияние ордена и увеличить чистую прибыль нашей компании.

– Чувствую, дальше последует какое-то «но», – холодно вставила Агнета Рейдер.

– Надеюсь, вы не собираетесь предложить отказаться от этого направления исследований? – Голос Летиции Инглэнд прозвучал обманчиво кротко.

– Конечно нет, – заверил ее Саймон. – Но я думаю, «Анимус» может сделать для ордена гораздо больше. У него есть одна возможность, которую мы недостаточно изучили. И эта возможность, я уверен, при условии строгого контроля даст нам такие же преимущества, как и частицы Эдема. – И под второй стрелкой Саймон написал – ЗНАНИЕ. – Вы можете подумать, что информация равнозначна знанию. Но необработанная информация, чтобы стать полезной, требует контекста. Например, мы имеем факт – существует место, где есть земля, камни, деревянные бревна и вода. В процессе осмысления мы понимаем, что вода – это океан, земля и камни – скалистый берег, а деревянные бревна – мачты морского судна. Мы, таким образом, дали необработанной информации контекст, и она превратилась в некое умозаключение. С большой долей вероятности мы можем сказать, что произошло кораблекрушение.

– Саймон, у меня сегодня плотный график, – сказал Алан Риккин. – Ближе к делу, иначе с большой долей вероятности ваш собственный корабль развалится прежде, чем отправится в первый рейс.

Саймона бросило в жар, но он должен был признать, что метафора удачная.

– Моя идея такова: пока компьютеры расшифровывают и анализируют информацию, мы, разумеется, максимально используем не только технологии, но и ценность человеческого фактора. Чуть позже я к этому вернусь. Как только мы начнем использовать «Анимус» не только для сбора данных и необработанной информации, но и для получения знания со всеми его замечательными нюансами, вы только подумайте, как много для нас тогда откроется.

Он вернулся к доске и под словом ЗНАНИЕ написал Частицы Эдема.

– С информацией мы знаем что – этого достаточно, чтобы идентифицировать конкретный артефакт, – и где. Но знания покажут нам, что эта частица делает, как она использовалась и... – последние слова Саймон написал жирными буквами, – как вновь заставить ее работать.

Члены Девятки смотрели на доску: кто с недоверием, кто с воодушевлением, а кто с открытой враждебностью. Но большинство в той или иной степени демонстрировало заинтересованность. Именно за это Хэтэуэй и ухватился.

– И давайте теперь попробуем приложить Знание к ассасинам, – сказал Саймон. – Нам, например, неизвестно, кто был ассасином в конкретный отрезок времени или где ассасин находится сегодня. Но мы будем знать, какими они были, то есть будем знать их личностные характеристики. Мы будем знать, что для них и братства имеет значение и как их кредо менялось в течение лет. Мы будем лучше знать, как манипулировать ими и как их уничтожить. И когда мы начнем ценить знание выше просто данных и информации, заранее невозможно предсказать, что нам может открыться. Мы не знаем того, что нам неизвестно. Потенциал – потрясающий. – Саймон отступил от доски, рассматривая то, что он написал. – Разумеется, эти цели останутся для нас главными, – сказал он, обводя маркером слово ИНФОРМАЦИЯ и комментарии под ним. – Но как только мы запустим процесс, то сможем использовать «Анимус» для того, чтобы увидеть переплетение связей. Узоры. Мы сможем вновь открыть потерянные теории, идеи, изобретения, раз и навсегда увязать воедино многовековые тайны.

Определить, какие реальные события скрываются за пеленой легенд, мифов и народных преданий. Я утверждаю, все это возможно, при условии, что мы расширим границы применения «Анимуса», избавимся от привычных стереотипов и откроем ум для новых идей.

- Что мы сейчас и делаем. - Килкерман сидел, сложив руки на толстом животе, в глазах ни тени насмешки или иронии. - Поверь мне, Саймон, мы очень внимательно тебя слушаем.

- Да... и мы можем малыми усилиями добиться многого.

- Пятнадцать лет назад мы не нуждались в таком сентиментально-романтическом подходе для непосредственного устранения нашего врага. - Презрение в голосе Стернса мгновенно сделало атмосферу в комнате ледяной.

- Действительно, не нуждались. Но наших врагов становится все труднее обнаружить. Они стали умнее и изобретательнее. И нам, если мы хотим их остановить, также нужно стать умнее и изобретательнее.

- Время - драгоценный ресурс, - многозначительно вставил Берг.

- Именно так, - подхватил Саймон, - и мы должны очень тщательно его распределять. Недавно мы потратили очень много времени на тщетные поиски частиц Эдема, а вместе с тем в нашей коллекции есть артефакты, о назначении которых нам ничего не известно, и артефакты, каким-то образом поврежденные. Мы могли бы сузить границы использования «Анимуса» и в то же время сделать его работу более универсальной. Нам следует сконцентрировать внимание на известных нам индивидуумах, чья ДНК содержит значительное число генов Предтеч, и...

- Мы уже это делаем, - перебил его Альваро Граматика.

- Да, этим занимается «Абстерго индастриз» и отдел госпожи Накамуры, - согласился Саймон. - Но к делу привлекаются люди, которые не входят в орден тамплиеров и не знают, что конкретно они ищут. Насколько эффективнее был бы час работы «Анимуса», если бы один из нас заменил случайного испытуемого! Наша ДНК - огромный и малоизученный на сегодняшний день источник знаний. Один час времени может дать ответы на вопросы, которые мы еще и

сформулировать не успели. Конечно, есть знания ради знаний. К подобным вещам невозможно прицепить ярлык с ценой.

– Говоришь как настоящий историк, – сказал Берг таким тоном, что его слова можно было счесть оскорблением.

Сам того не желая, Саймон разозлился.

– Я докажу тебе, – услышал он собственный голос и тут же пожалел о своих словах. «Семь бед – один ответ», – подумал Хэтэуэй и набрал в легкие побольше воздуха. – У каждого из нас есть своя родословная. Один из моих предков воевал вместе с Жанной д’Арк. Сохранилось предание, что она владела одним из мечей Эдема – частицей под инвентарным номером двадцать пять. Я предполагаю, что это меч самого Жака де Моле.

– Он хранится у меня в офисе, – самодовольно промурлыкал Риккин и повернулся к остальным членам Девятки. – В истории меча очень много белых пятен. Наверняка мы знаем только то, что он принадлежал Жаку де Моле, а потом, во времена Французской революции, перешел в руки Великого магистра Франсуа-Тома Жермена. Затем, убив Великого магистра, им завладел ассасин Арно Дориан.

Саймон кивнул:

– Я намерен провести некоторое время в «Анимусе» и подтвердить, что меч Жанны д’Арк и есть та самая частица Эдема под номером двадцать пять.

Риккин облокотился о стол, подпирая рукой щеку, в другой он продолжал держать чашку с остывающим кофе.

– Меч Жака де Моле, когда им владел Жермен, был поврежден и, похоже, лишился своих уникальных свойств.

– Я повторяю, что, если кто-то, обладающий моими знаниями, сядет в кресло «Анимуса», мне наверняка удастся увидеть меч в действии и понять, как его починить.

Губы Риккина дернулись в едва заметной улыбке.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте назовем это пробным экспериментом. Я даю вам на него разрешение, Хэтэуэй, посмотрим, что из этого получится и куда вы нас приведете. Если вы через неделю представите мне конкретные результаты, я дам зеленый свет – и вашему Центру будут спущены директивы и выделены средства.

У Саймона сердце оборвалось: «Через неделю?!» Риккин улыбнулся шире, словно прочитал мысли новоиспеченного члена Внутреннего Святилища.

– Хорошо, – сказал Саймон и расправил плечи.

– Отлично. – Риккин положил салфетку на стол и встал. – Тогда приступайте к работе. – (Заседание Внутреннего Святилища можно было бы завершить не так обыденно, но Саймону было не до рассуждений на этот счет.) – И вот что, Саймон...

– Да, сэр?

Риккин и Килкерман обменялись взглядами, словно им введома была какая-то тайна.

– Это уже давно не «кресло», – сказал Риккин.

– Простите? – не понял Саймон.

– В скором времени вы сами все увидите.

2

Он не раз бывал в этом кабинете, но сейчас это был его кабинет, и разница была огромна.

Саймон с большой коробкой, полной книг, переступил порог, остановился и огляделся. Из окна, занимавшего бо?льшую часть левой стены, открывался потрясающий вид на «Лондонский глаз», Биг-Бен и Вестминстерский дворец, резиденцию британского парламента. Напротив располагалось еще одно большое окно, дававшее много света, и под ним стоял стол Изабель – теперь его стол. В больших кожаных креслах легко можно было по-домашнему устроиться с книжкой, сотни которых стояли в массивных шкафах у третьей стены. Кабинет наполнял густой запах старой бумаги и кожаных переплетов – пьянящий аромат прошлого.

По толстому красному ковру Саймон прошел к своему столу и поставил на него коробку с книгами. Почти ничто в кабинете не напоминало о его бывшей владелице, но Хэтэуэй обратил внимание на пустые полки в книжных шкафах, где прежде, вероятно, стояли личные вещи Изабель. У Альваро Граматики была жена и дети, но он никогда о них не рассказывал – вероятно, и виделся с ними редко, учитывая, сколько времени он проводил в лаборатории. У Алана Риккина была взрослая дочь – полноправный тамплиер. Кто бы мог подумать, но и у хладнокровного убийцы Берга – единственного высокопоставленного тамплиера, которого Саймон знал лично, – была маленькая дочь, больная муковисцидозом. Похоже, отец ее очень любил, потому что (насколько было известно Хэтэуэю) именно обещанием вылечить девочку Берга заманили в орден.

У Саймона не было ни детей, ни жены, ни подружки, ни даже кота, и это его вполне устраивало.

Проходя с тяжелой коробкой по коридорам «Абстерго индастриз», Хэтэуэй думал о том коротком сроке, что Риккин отвел ему для реализации проекта. К счастью, до презентации Саймон уже проделал определенную работу. О жизни Жанны д'Арк сохранилось много сведений, в том числе первоисточники – основа любого серьезного исследования. Новый глава отдела исторических исследований надеялся, что этого будет достаточно, чтобы за неделю достигнуть максимально возможных результатов.

Жанна д'Арк.

Было потрясающе в свое время узнать, что один из твоих предков сопровождал ее в военных походах. Саймон лично никогда не работал в «Анимусе», поскольку не являлся оперативным сотрудником и не принимал участия в тренировочной программе «Аними». Он прекрасно понимал, что авторы ценнейших

первоисточников едва ли были беспристрастны. Будучи историком, а значит, человеком, лично не заинтересованным, он сможет быть предельно объективным.

Саймон включил компьютер и вошел в систему. На большом настенном экране возник логотип «Абстерго». «Зал „Анимуса“», – громко произнес он, стоя у стола и распаковывая стеклянный бокс, в котором хранилась редкая книга Плутарха «Сравнительные жизнеописания» XI века. На экране появилось лицо главного оператора «Анимуса» – темно-карие глаза и приветливая улыбка, длинные черные волосы собраны в профессиональный пучок.

– Доброе утро, профессор Хэтэуэй. Меня зовут Аманда Секибо. Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте, мисс Секибо, мы незнакомы, я новый...

– ...глава Центра исторических исследований, – закончила за него Аманда. – Да, сэр, доктор Килкерман рассказал нам о вашем назначении и планах. Мы с нетерпением ждем возможности познакомиться с новым «Анимусом». Что я могу для вас сделать сегодня?

– Час назад у нас было совещание с господином Риккином, – сказал Саймон. – Мне дали добро использовать «Анимус» для проекта, который нужно реализовать в кратчайшие сроки. Как я и предполагал, вас поставили в известность. Я бы хотел приступить к работе немедленно, если это возможно.

Секибо нахмурилась:

– Подождите минутку, пожалуйста... Да, все в порядке, вам разрешено использовать «Анимус», но прежде вы должны встретиться с доктором Бибо.

– А кто он и чем занимается?

– Это она, сэр. Доктор Бибо – одна из наших лучших психиатров.

Саймон почувствовал, что закипает:

– Меня неоднократно тестировали и проверяли, ни малейшего повода для беспокойства. Я уверен, что мисс Бибо не стоит тратить на меня свое драгоценное время...

– Сожалею, сэр, но на этот счет господин Риккин дал четкие указания. – На лице Секибо появилось извиняющееся выражение, каким люди обычно прикрывают отрицательный ответ, отметающий все дальнейшие возражения.

Саймон, конечно, был в курсе различных опасностей, которые влекла за собой работа в «Анимусе». Машина не имела ничего общего с видеоиграми, заполонившими рынок и принесшими «Абстерго индастриз» много наград. Кстати говоря, эти видеоигры на несколько лет обеспечили тамплиеров огромной прибылью и ценной информацией. Саймон знал, что во время сессии в «Анимусе» за человеком ведется наблюдение и все его действия полностью контролируются. В новую же модель даже войти без посторонней помощи было нельзя. Саймон снял очки и потер переносицу, затем вздохнул и кивнул:

– Да, конечно, я уважаю решение господина Риккина. Я немедленно договорюсь о встрече с доктором Бибо.

На лице главного оператора «Анимуса» отразилось деланое смущение.

– Сэр, сегодня вечером доктор Бибо вылетает из Штатов. Думаю, встречу можно назначить на завтрашнее утро.

– Хорошо, – сказал Саймон. – Еще один момент. Господин Риккин предупредил вас, что проект должен быть завершен в течение недели?

– Да, сэр, как только вы пройдете проверку, можете приступить к работе.

– Всего хорошего, – сказал Саймон и отключил связь.

«Осталось шесть дней», – пробормотал он себе под нос, а затем плюхнулся в кожаное кресло, в котором столько раз видел Изабель Ардан, открыл справочник компании и нашел там имя Бибо. После этого профессор Хэтэуэй набрал сообщение, в котором просил доктора встретиться с ним за завтраком в ресторане «Буря» ровно в 7:30.

«Берегись, дорогуша, если твое опоздание будет стоить мне лишней минуты в „Анимусе“», – кисло подумал Саймон и нажал кнопку «Отправить».

День 2

В итоге чуть не опоздал сам Саймон. Бессонная ночь, проведенная на мраморном полу, не прошла без последствий. Виктория Бибо уже ждала его, когда в 7:26 он подъехал к ресторану.

Он никак не ожидал встретить элегантную женщину с короткой стрижкой, лучезарными глазами и такой же лучезарной улыбкой. Он гадал, как ей удалось выглядеть так свежо после длительного перелета. Ее рукопожатие было в меру твердым, но не жестким.

– Рада с вами познакомиться, профессор Хэтэуэй, – сказала она с едва уловимым французским акцентом.

– Надеюсь, полет был не очень утомительным.

– Благодарю, все хорошо, испытываю удовольствие вновь оказаться в Лондоне. В Англии мне даже чай кажется необыкновенно вкусным.

– Не могу с вами не согласиться, – сказал Саймон, придерживая двери ресторана перед своей спутницей.

На территории «Абстерго» имелось три ресторана: «Снэкс», где можно было быстро перекусить, выпить кофе или чая; «Bella Cibo» – с пышными интерьерами, элитными винами и высокой кухней; сюда водили почетных гостей компании; и «Буря в стакане воды», сокращенно «Буря», где подавали легкие завтраки, первые и вторые блюда, а также послеобеденный чай. «Буря» была любимым местом Саймона, не в последнюю очередь потому, что они доставляли еду на рабочее место. А обеду или ужину новый глава отдела исторических исследований всегда предпочитал работу.

– Доброе утро, профессор Хэтэуэй, – сказал подошедший с подносом в руке официант. Выставляя на стол небольшой чайник, две чашки, молочник, блюдце с нарезанным лимоном и вазочку с медом, он спросил: – Вам как обычно?

– Да, как всегда, – ответил Саймон. – Пул, это доктор Виктория Бибо, из «Аэри», это в Штатах. Она пробудет у нас неделю.

Глаза Пула оживились.

– Приятно познакомиться, доктор Бибо. Уверен, работая с профессором Хэтэуэем, вы будете частенько заглядывать к нам в «Бурю».

– Мне тоже так кажется, – ответила Бибо.

– Планируете поездки за город? Начинается золотая осень, – продолжал любезничать Пул.

– Нет, к сожалению. Боюсь, всю неделю я проведу в городе.

– Действительно жаль. Обещайте, что придете на послеобеденный чай, мы в это время года балуем посетителей домашним печеньем из тыквы и яблочным пирогом с корицей.

– Надеюсь, получится к вам заглянуть, – улыбнулась Виктория. – А сейчас я, пожалуй, тоже возьму обычный завтрак.

– Две порции тостов и бекона, – сказал Пул, кивнул и направился к кухне.

Пока женщина наливала молоко себе в чай, Саймон решил не откладывать дела в долгий ящик.

– Итак, доктор Бибо... Почему именно вы?

Прежде чем ответить, она сделала глоток.

– У меня большой опыт адаптации новичков к работе в «Анимусе».

– Да, я читал о вашей работе в «Абстерго» и «Аэри».

«Аэри» был единственным в своем роде центром, где проводились тренировки специализированных групп молодых мужчин и женщин. Уникальность этих людей заключалась в том, что их генетические воспоминания имели большой вес – и значимость, – только взятые вместе, не по отдельности.

– Я уже давно вышел из подросткового возраста, доктор.

– Пожалуйста, зовите меня Викторией, – улыбнулась доктор Бибо. – Ваш возраст мне известен. У меня был случай в «Абстерго индастриз»... – Она помолчала, затем продолжила: – После «Анимуса» жизнь во многих аспектах меняется как к лучшему, так и к худшему. Иными словами, в ордене, кроме меня, мало кто знает, какое воздействие «Анимус» оказывает на мозг человека. Мне неизвестно, говорили ли вы с доктором Килкерманом на эту тему, но модель, с которой вы будете работать, совершенно новая – это скорее прототип, чем настоящая модель.

Саймон почувствовал, как вновь начинает закипать:

– Разумеется, я говорил с доктором Килкерманом. Я в курсе, что это усовершенствованная модель.

– Даже если и так, вы все равно новичок в работе с ней и у вас всего неделя, чтобы доказать ценность вашего метода. Вам придется проводить в «Анимусе» много времени, а потому ответ очевиден: без меня вы не справитесь.

Пул принес тосты и бекон. С минуту Саймон молча пил чай, затем сказал:

– Очевидно, вы читали обо мне и моей работе.

– Конечно, – подтвердила Виктория. – В процессе нашего сотрудничества мне будет интересно поглубже познакомиться с вашими идеями. И, как вы правильно заметили, я также изучила результаты ваших психологических тестов и сделала вывод, что вы обладаете устойчивой психикой. Не думаю, что будет много проблем.

– Не думаю, что они вообще будут.

Доктор Бибо широко улыбнулась:

- Ну что ж, comment?ons[1 - Тогда приступим (фр.)].

- Боюсь, я не говорю по-французски.

- Через две недели заговорите и на французском. Или на чем там говорили в пятнадцатом веке, - сказала Виктория.

- На среднефранцузском, вероятно?

- Вы знакомы с эффектом просачивания?

- Ну разумеется, - кивнул Саймон.

Эффектом просачивания называлось побочное действие «Анимуса», возникающее после длительной работы с аппаратом. В отдельных случаях личные качества, мысли, эмоции, иногда физические способности предка «просачивались» в субъект.

- Я уже свободно говорю на русском, испанском и арабском и не представляю, каким образом мне может пригодиться среднефранцузский.

- Чтобы развлечь гостей на какой-нибудь скучной вечеринке? - улыбнувшись, предположила Виктория, а затем продолжила уже более серьезным тоном: - Честно говоря, ваши знания французского проявятся не сразу, и я сомневаюсь, что вы будете свободно на нем говорить. Эффект просачивания может быть позитивным, но не всегда. Приобретаются новые способности: например, человек овладевает боевыми искусствами или иностранными языками. Однако с моей стороны было бы нечестно не предупредить вас, что работа в «Анимусе» крайне опасна. Я уверена, вам известно, каким разрушительным эффект просачивания оказался для субъектов номер четыре и четырнадцать. К несчастью, я наблюдала это собственными глазами. - Печаль тенью легла на лицо доктора Бибо, а голос сделался тихим. - Один из наших аналитиков-исследователей слишком глубоко погрузился в личность субъекта. Некоторое время спустя тот уверовал, что является реинкарнацией ассасина по имени Арно Дориан, активного участника Французской революции.

– Не самое лучшее время в истории Франции, – заметил Саймон. – И что с ним случилось?

– Он попытался сорвать проект, уничтожив бесценные результаты, полученные в ходе исследования: стер файлы, повредил жесткие диски, сжег свои записи. Орден пытался его урезонить, но субъект отчаянно сопротивлялся. – Доктор Бибо поджала губы.

Саймон понял, что это значит.

– Да, это ужасно, когда теряются все материалы исследования. Ничего не удалось восстановить?

На лице доктора Бибо появилось выражение, смысл которого Саймон не смог понять.

– Кое-что восстановить удалось, – ответила она. – В любом случае большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся при работе в «Анимусе», удастся устранить. По крайней мере, это цель, к которой мы стремимся. А потому на эффекте просачивания мы сосредоточиваем максимум внимания. Думаю, пока люди остаются людьми, окончательно от него избавиться не удастся.

К концу завтрака доктор Бибо начала расспрашивать Саймона о его хобби. Вначале он не желал откровенничать, утверждая, что у тамплиеров не бывает хобби. Но доктор Бибо сообщила, что она сама увлекается гончарным делом и бегом на длинные дистанции.

– Перед тем как надеть спортивный костюм, я не забываю отойти от гончарного круга и помыть руки. – Доктор Бибо расплылась в лучезарной улыбке. – Мои увлечения помогают на время отключить голову и включить тело, чтобы сохранить гармонию. У вас тоже должно быть что-то, чем вы любите заниматься помимо работы.

Саймон признался, что любит океан.

– Ходите под парусами?

– Дайвинг, изучаю места кораблекрушений. – Он помолчал и добавил: – А еще меня интересуют секретные подземные ходы. Их в Лондоне тьма-тьмушая.

Виктория с уважением посмотрела на него:

– Вас привлекает то, что скрыто от обычного взгляда, Саймон Хэтэуэй.

Он на секунду задумался и вздохнул:

– Не буду спорить, хотя сдается мне, я скучнее, чем может показаться на первый взгляд. – Саймон вернул разговор к главной теме и подробно рассказал о цели своего эксперимента, а также вкратце обрисовал историю меча. – Если ваш аналитик взаимодействовал с Арно Дорианом, то вы, возможно, видели тот меч, который мы сейчас изучаем. Франсуа-Тома Жермен некоторое время владел им, пока Дориан не отправил Великого магистра на тот свет.

Саймон достал из кожаного портфеля планшет и переслал Виктории некоторые из своих записей, среди которых был список эпизодов из жизни Жанны д'Арк, предназначенные для изучения через воспоминания предка Саймона. Виктория сказала, что этот список им поможет выстроить алгоритм и максимально эффективно использовать время, проведенное в «Анимусе».

– Вы хорошо знаете этот период истории? – спросил Саймон, знаком показывая Пулу принести им второй чайник чая.

– Боюсь, не очень. Меня привлекли к этому проекту менее суток назад. Полагаю, не надо быть хорошим историком, чтобы оказывать аналитическую поддержку в исследовании, но, думаю, базовые знания мне не помешают.

Саймон не показал раздражения. И хотя он был профессором, необходимость кого-либо обучать повергала его в состояние фрустрации, и сейчас он не горел желанием давать уроки доктору Бибо.

– Ну что ж, давайте попробуем освежить ваши знания, – с напускной веселостью сказал Саймон, – пока второй чайник еще полон.

В тысяча четыреста двадцать восьмом году, когда Жанна д'Арк появилась на исторической сцене, вопрос о законном правителе Франции был как никогда актуален. Ответ на него тонул в политических интригах, столкновениях армий, династических и морганатических браках, несвоевременных смертях. Девяносто лет шла война, получившая в истории название Столетней и длившаяся в конечном итоге сто шестнадцать лет. Король Генрих Пятый, увековеченный Шекспиром, умер шесть лет назад в возрасте тридцати пяти лет, но не на поле брани, а от постыдной дизентерии, которая не делает различий между людьми благородной крови и чернью. Французский король Карл Шестой, который вошел в историю как Возлюбленный, вполне возможно, что он и был таковым, и Безумный, что более вероятно, пережил своего английского соперника не более чем на два месяца.

Дофин, будущий Карл Седьмой, был четвертым сыном Карла Шестого, имевшим право унаследовать престол. Но он сам не надеялся когда-либо взойти на трон, что породило в нем неуверенность, которая успешно поддерживалась слухами, распространяемыми англичанами и бургиньонами – членами политической партии герцога Бургундского, выступавшей на стороне англичан...

– Oui[2 - Да (фр.)], – перебила его Виктория, в ее глазах заплясали искорки. – Я в курсе, кто такие бургиньоны.

– Ах да. Тогда продолжим. Мать Карла, Изабеллу Баварскую, обвинили в измене, причем любовником значился родной брат ее мужа, поэтому законнорожденность Карла была под вопросом.

– Она действительно была его матерью?

– Мы думаем, что да. Во всяком случае, нос он точно унаследовал от династии Валуа.

Далее разговор перешел к теме новой методики работы его отдела, и Саймон вкратце пересказал то, что днем ранее говорил во время презентации на совещании Внутреннего Святилища ордена.

– У Жанны д'Арк, насколько нам известно, было три меча, – заключил он. – И предстоящее исследование вряд ли будет таким простым, как нам бы того хотелось.

– Значит, вы кое-что от Риккина утаили?

– Сущий пустяк, – решительно произнес Саймон. – Я интуитивно догадываюсь, какой меч нас интересует. Но мне нужно своими глазами увидеть определенные исторические события. Меч – это только часть проекта.

К концу завтрака Саймон смирился с участием Виктории в предстоящем исследовании. Если бы ему для прогулки в прошлое потребовалась няня, чтобы держать его за руку, он бы не стал сильно возражать против кандидатуры доктора Бибо.

Лифт, который доставлял в недра лондонского здания «Абстерго» – включая комнаты, где проходила церемония посвящения Саймона в орден, – останавливался только на определенных этажах. Чтобы добраться до него, им вначале предстояло вернуться на этаж, где располагался Центр исторических исследований. Покинув «Бурю», они стояли теперь в неловком молчании, наблюдая за миганием огоньков на панели у лифта. Двери разъехались, и Саймон оказался лицом к лицу с миниатюрной молодой женщиной, в черных волосах которой выделялась вишнево-красная прядь.

Карие глаза женщины чуть округлились от удивления.

– Саймон! Давно не виделись, – сказала она.

– Да, давненько, – ответил Хэтэуэй. – Анайя, познакомься, это доктор Виктория Бибо. Она пробудет у нас пару недель, поможет мне с делами. Виктория, это Анайя Кодари, до недавнего времени была оперативным агентом, а сейчас одна из наших лучших «белых шляп».

На мгновение лицо Виктории сделалось озадаченным, но она быстро включилась:

– О, этический хакер.

– Многие считают, что это противоречивое определение, но мне оно нравится, – сказала Анайя, пожимая руку Виктории.

– Ваш вклад трудно переоценить. Уверена, что благодаря вам «Абстерго» избежала множества бед и катастроф.

– Спасибо, – ответила Анайя. – Я знаю, Саймон всегда спешит, поэтому не буду вас задерживать. – Она перевела взгляд на профессора. – Рада была увидеться. Кстати, я тут на днях нашла твой свитер. Синий. Ты еще боялся, что потерял его.

Саймон не сразу вспомнил.

– Синий? А, да, здорово!

– Принести?

– Нет, не беспокойся. Передай в магазин «Оксфам» или куда-нибудь в этом роде. У меня навалом одежды, носить не успеваю. – Войдя в лифт, Саймон кивнул Анайе. – Пока. – И двери закрылись.

Саймон нажал кнопку, и лифт с тихим жужжанием пошел вверх. Виктория с минуту молчала, потом спросила:

– Что вас связывает?

– Чтобы вы знали, ничего жутко интересного. Обычные дела. Работа, обязанности и прочее. Не мне вам говорить, о чем можно расспрашивать тамплиера.

– Особенно если речь идет о мастере и члене Внутреннего Святилища ордена.

Саймон был застигнут врасплох:

– Вам и это известно?

– Знать такие вещи входит в круг моих обязанностей. Между прочим, тамплиеры могут иметь семьи.

– У меня нет семьи. И насколько я помню из вашего файла, вас тоже нет в списке замужних счастливиц.

Саймон рассчитывал, что колкое замечание несколько охладит ее пыл, но доктор Бибо только рассмеялась:

– Touche, Саймон.

3

«Анимус» находился под землей на глубине нескольких этажей. Безопасность в «Абстерго» была вопросом повышенного внимания. Всё – от пропусков, висевших у каждого на шее, до невидимой армии этических хакеров под начальством суперинтеллектуалки Анайи, которые круглосуточно были на страже, – обеспечивало физическую и техническую безопасность компании.

Двери лифта открылись, и Саймон с Викторией оказались в просторном двухуровневом зале. Все четыре стены были завешены 3D-мониторами, перед которыми сидели сотрудники в белой форменной одежде. Хэтэуэй мельком бросил взгляд на крошечные человеческие фигурки на экранах, которые тщетно пытались противостоять неотвратимой судьбе, в то время как их анализировали и каталогизировали. Многочисленные памятники древности, заполнявшие комнату, создавали особую, величественную атмосферу, скрашивая серость бетона и холод хромированной плитки стен. Древние мечи, статуэтки египетских, греческих и римских богов, знамена, щиты, потиры и кубки из рога хранились в витринах со стеклянными дверцами.

Но профессора привлекал только один экспонат – сам «Анимус», и он рассматривал машину во все глаза.

Саймон понял, что имел в виду Риккин, когда говорил, что «это уже давно не „кресло“». Идеальная по форме, блестящая конструкция – иного и нельзя было ожидать – не предназначалась для сидения или лежания на ней.

Изысканное соединение технологии и тревожного, случайного искусства воплотилось в свисавшей с потолка конструкции, визуально похожей на металлический скелет человека, если бы тот был сконструирован из гибких тросов. У конструкции был хребет, руки, ноги, а вот голова отсутствовала. Но Саймон подозревал, что функции головы выполняет что-то вроде шлема, надевающегося отдельно от экзоскелета. Большое металлическое кольцо и комплект разнообразных ремней позволяли испытуемому удерживать тело в вертикальном положении и обеспечивали безопасность.

Как только Саймон и Виктория вышли из лифта, к ним навстречу поспешила Аманда Секибо.

– Профессор Хэтэуэй, доктор Бибо, – приветствовала вновь прибывших главный оператор механизма, – добро пожаловать в зал «Анимуса». – Итак, профессор, что вы скажете о нашей новой модели?

– Немного напоминает оружие инквизиции, вам не кажется?

Заметив выражение лица Секибо, Виктория поспешила вмешаться:

– Значительно отличается от того, что мы используем в «Аэри», более сложная и изящная. По всей вероятности, эта модель избавит вас, Саймон, от головной боли и тошноты; в крайнем случае, они будут весьма незначительными.

– Очаровательно, – ровным тоном ответил Хэтэуэй.

– Было бы здорово обнадежить и моих ребят тем, что в ближайшем будущем они смогут пользоваться чем-то подобным. – Повернувшись к Секибо, Виктория продолжила: – Вы не расскажете мне, как управлять этой штукой?

– Конечно, доктор.

– Пожалуйста, зовите меня Виктория.

Саймон гадал, всем ли она разрешает обращаться к ней по имени. Он слушал диалог двух женщин вполуха, не обращая внимания на сложные технические термины и включаясь только там, где все слова были ему знакомы. Если бы они

сейчас сидели за столом, то он бы от скуки барабанил пальцами по столешнице. Саймону показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Виктория поблагодарила Аманду, после чего Секибо вернулась к своей команде. Она похлопала сотрудников по плечам, те выключили свои системы, и миниатюрные трехмерные фигурки исчезли с мониторов. Затем все члены ее команды поднялись со своих мест и направились к лифту. Вскоре двери за ними бесшумно закрылись.

Саймон и Виктория остались одни.

- Вы готовы? - спросила доктор Бибо.

- Упасть в объятия этой «железной девы»? [З - «Железная дева» - средневековое орудие пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена длинными острыми гвоздями.]

- Я бы не стала так называть «Анимус». - Женщина недовольно поморщилась. - Думаю, вы скоро оцените все преимущества новой модели. «Анимус 4.35» создана на основе технологий, которые «Абстерго» разрабатывал для модели 4.3 - той, что сейчас используется в Мадриде. Мне кажется, что мадридская модель довольно иммерсивная, она также более инвазивна. А при использовании модели 4.35 мне, например, не нужно делать анестезию.

- Понятно. - Саймон набрал в грудь воздуха. - Ну... как говорила Жанна д'Арк, лучше сегодня, чем завтра.

Они подошли к «Анимусу». Саймон шагнул на двухчастную платформу, затем надел фиксирующие ремни - слишком непрочные на вид, чтобы быть надежными. Виктория в это время закрепила вокруг его тонкой талии металлическое кольцо. С опаской он перенес вес с одной ноги на другую. Платформа плавно качнулась, словно новомодный тренажер «лестница» в элитном фитнес-центре.

- У этой конструкции большой потенциал стать отличным спортивным оборудованием, - безразличным голосом произнес Саймон.

- Вы не знаете и половины ее возможностей, - рассмеялась Виктория. - Сейчас мне надо закрепить ленточные амортизаторы, чтобы вести учет и контроль

ваших шагов. – Продолжая говорить, женщина закрепила ремни и щелкнула застежками. – Вы сохраните полную свободу движений. Этот экзоскелет будет поддерживать ваше тело в то время, как вы станете повторять движения вашего предка. Помните, вы не будете поминутно проживать его жизнь – у нас всего неделя. Временной отрезок составит года три-четыре.

«У нас». То, как доктор Бибо непринужденно записала себя в участницы проекта, вызвало у Саймона раздражение, но он быстро с ним справился. Она должна будет постоянно наблюдать за своим пациентом и, по всей видимости, проводить «разбор полетов». Саймону, безусловно, требовался ассистент, но доктор Бибо претендовала на роль партнера.

Хэтэуэй был прекрасно осведомлен о своем неумении обращать неловкие моменты в шутку, поэтому ничего не сказал в ответ. Виктория еще раз проверила все ремни и застежки и одобрительно кивнула, и только тут Саймон осознал, насколько он уязвим. Возможно, партнер – это то, что ему действительно нужно.

– Хм... – Глава отдела исторических исследований легонько подергал один из ремней. – Что вы станете делать, если у человека во время работы с «Анимусом» случится сердечный приступ?

Виктория рассмеялась легко и весело, и Саймон улыбнулся.

– Раздастся сигнал тревоги, двери откроются, и реанимационная группа врачей будет здесь через пару секунд.

– Превосходно.

– В «Абстерго» железное правило – вести непрерывный мониторинг состояния здоровья субъекта. Если есть желание получить серьезную травму, вы можете не закреплять ремень на спине. – Ослепительная улыбка сошла с ее лица. – Но я бы не рекомендовала так делать. Один из ребят, с которым я работаю, парализован, и он использует «Анимус», чтобы восстановиться.

– Хм... Ну что ж. Все готово?

– Да, остался только шлем, – ответила Виктория. – Сейчас я его на вас надену. Через него мы сможем общаться. – Она зашла ему за спину и опустила шлем на его светлые волосы. Впечатление, будто тебя поместили в камеру сенсорной депривации – совершенная чернота и звуконепроницаемость. Когда Саймон услышал голос Виктории, возникло специфическое ощущение, что он звучал в его голове. – Вам удобно?

Саймон попробовал подвигаться и с удивлением обнаружил, что ему вполне комфортно.

– Сейчас вы наверняка находитесь в полной темноте – так и должно быть, – продолжил звучать голос доктора Бибо в голове Хэтэуэя. – Первое, что вы увидите, будет коридор памяти. Его создали для того, чтобы облегчить вход в симуляцию. Сейчас мы можем легко общаться, дальше это делать будет все сложнее. Каждый раз мы будем начинать с коридора памяти, но первый переход самый важный. В этой модели он должен быть достаточной легкой.

Темнота постепенно отступала, превращаясь из графитно-черной гущи в серый туман. Он напомнил Саймону поездку по Шотландскому высокогорью, которую он предпринял несколько лет назад. Он поднимался на Бен-Невис, когда неожиданно все вокруг поглотил туман. Саймона посетило ощущение дежавю, когда в глаза начал бить свет, похожий на вспышки молнии. Облако тумана размеренно пульсировало, и зачарованный Хэтэуэй молчаливо наблюдал, как оно менялось, пытаясь принять форму здания, дерева или, возможно, Бен-Невиса.

Саймон непроизвольно вытянул руку и посмотрел на нее. У него были длинные и тонкие пальцы, которые умели только печатать и перелистывать древние фолианты. Нередко его руки, обычно белоснежные, были измазаны в чернилах. А сейчас он видел перед собой сильную руку с грубой загорелой кожей, в небольших шрамах. Ногти на пальцах были грубо обломаны. Саймон опустил голову и посмотрел на себя – шерстяная туника грязновато-бежевого цвета, заштопанная во многих местах, под коротким плащом с капюшоном. На той части ног, которые он мог видеть, были надеты голубые шоссы[4 - Предназначенная для мужчин разновидность колгот с гульфиком. В Средние века шоссы были неотъемлемой частью мужского гардероба.], а поверх них – простые кожаные сапоги.

Его губы невольно скривились в глупой улыбке, когда он смял пальцами правой руки грубую ткань плаща, а левой дотронулся до своего лица и ощутил на нем

легкий пушок намечавшейся бороды.

- Bonjour, Габриэль Лаксарт, – тихо произнес Саймон.

- Вы очень похожи, – раздался в голове Хэтэуэя голос Виктории. – Если вас поставить рядом, то легко догадаться, что вы родственники.

- Это нетипично?

- Вполне нормально, но часто люди бывают шокированы тем, насколько сильно они не похожи на своего предка, – ответила Виктория. – Вам семнадцать лет. Вы помогаете своему отцу Дюрану...

- ...в поле. Я знаю. Какой сейчас год?

- Четверг, первое мая, тысяча четыреста двадцать восьмой год. Я подумала, что вы решите начать с самого начала. Идите вперед и начинайте осматриваться, пока заканчивается загрузка симуляции.

Ощущения собственного тела были странными. Габриэль был стройным юношей – по сравнению с Саймоном так и вовсе худосочным, – но жилистым, и двигался он очень легко. Саймон сделал выпад, и рука естественным образом сложилась в кулак. Но когда он попытался использовать свой посох в качестве пики (или меча), тот выпал из его рук.

- Пока еще не тамплиер, – сухо констатировала Виктория. – Итак, запомните. Вы всего лишь наблюдатель. Не сопротивляйтесь воспоминаниям – вы не сможете их изменить. Не пытайтесь заставить Габриэля делать или говорить то, что ему несвойственно, в противном случае произойдет рассинхронизация. А это очень неприятно.

- И этот ваш суперсовременный «Анимус» не умеет справляться с подобными вещами?

- Это не машина времени, Саймон. Вы не можете изменить прошлое, а если попытаетесь, то «Анимус» остановит вас самым непредсказуемым образом. В ответ на ваше насильственное действие «Анимус» ответит адекватным

насилием. Вы говорили мне, что Габриэль незаконнорожденный и лишь недавно он поселился вместе со своим биологическим отцом. Это должно сработать в ваших интересах. Окружение Габриэля практически его не знает и не заметит, если вы будете вести себя не так, как свойственно его природе.

Саймон понимающе кивнул. С исторической точки зрения слово «бастард» стало позорным клеймом уже в современную эпоху. А в XV веке для крестьянской семьи было естественным взять к себе в дом крепкого юношу, годного к физической работе. Неудивительно, что Саймон в своих исследованиях не нашел никаких следов родителей Габриэля. Незаконнорожденных детей представители знатного рода не включали в генеалогическое древо, ему не нужны были случайные побочные ветки.

Пока Виктория говорила, клубящийся серый туман рассеялся, и Саймон начал различать зеленые поля в белых крапинках коров и овец. У него за спиной проявилась проселочная дорога и одноэтажные постройки. Стало ясно, что он где-то на окраине небольшой деревушки.

Домреми. Место рождения Жанны д'Арк. Вокруг было непривычно тихо. Слышались только шум ветра в кронах деревьев, щебет птиц да мычание коров. Ни машин, ни самолетов, ни кондиционеров, ни компьютеров или мобильных телефонов. Саймон неожиданно для себя самого оказался не готов к такой тишине.

С минуту он стоял, осознавая, что вторгается в память давно умершего юноши. Все было невероятно реально: легкий ветерок обдувал лицо, запахи почти девственной природы, ощущение твердой земли под ногами. «Если видеоигры „Абстерго“ обеспечивают хотя бы сотую долю подобной реальности, – подумал Хэтэуэй, – неудивительно, что они завоевали столько наград».

Саймон посмотрел на руки Габриэля и увидел, что они держат завернутые в холстину хлеб и сыр. Виктория сказала, что сегодня первое мая... И тут Хэтэуэй вспомнил, как в своих исследованиях наткнулся на описание традиции, долгое время существовавшей в деревушке Домреми. В один из праздничных дней юноши и девушки собирались у ручья, рядом с которым росло очень красивое дерево, которое прозвали деревом фей. Вокруг него танцевали, затем умывались в ручье и наслаждались принесенной едой. Эта традиция описывалась как «устраивать фонтаны», и Саймон понял, что именно на этот праздник направляется Габриэль.

Юноша был долговязым и нескладным, как сам Хэтэуэй в молодости. Было немного странно ощущать при ходьбе длинные ноги молодого француза.

Ветер донес звуки веселого смеха, песни (кто-то страшно фальшивил) и мелодии, наигранной на свирели. На фоне голубого неба появился силуэт огромного дерева, под которым собралось немало народу. Саймон не был силен в ботанике, он вообще мало интересовался природой. Но дерево поражало воображение. Оно было усыпано белыми цветами. Гирлянды из цветов других оттенков – розовые, красные, голубые – украшали нижние ветви.

Девушки разных возрастов сидели кучками, болтая между собой, смеясь и плетя венки. Еще одна группа девушек, танцуя, кружилась вокруг дерева. Юноши веселились в своей манере: взбирались вверх по толстым ветвям, валялись на траве, отрывали от темных буханок хлеба из муки грубого помола большие куски и с наслаждением их поглощали. Молодые люди постарше угощали хлебом своих спутниц, те, что помоложе, кидались в девушек хлебными катышками.

«Я здесь чужой», – родилась в голове у Саймона мысль, и он не понимал, кому именно принадлежит эта мысль, ему или Габриэлю.

Ноги юноши будто вросли в землю. Один из парней ловко спрыгнул с ветви и направился к нему – смуглый, с черными волосами и широкой дружелюбной улыбкой.

– Ты, наверное, наш кузен Габриэль! – весело сказал он. – А я – Пьер. Вон тот увалень – мой брат Жан.

Увалень быстро доел остатки хлеба и стряхнул с рубахи крошки. Он был старше, крупнее и толще быстрого и ловкого Пьера.

– Привет, Пьер, – сказал Габриэль. – Твоя... твоя мама послала меня вот с этим.

Пьер рассмеялся:

– Эй, Жан, у тебя сегодня настоящий праздник живота.

Жан услышал свое имя, посмотрел в их сторону, поднялся на ноги и неторопливым шагом направился к ним.

Пока Габриэль разговаривал со своими двоюродными братьями, Саймон гадал, где Жанна.

– Я слышал, ваш отец защищает деревню от нападений разбойников. – Саймон помнил, что Жак д'Арк был старостой деревни, в чьи обязанности входило собирать налоги и организовывать защиту Домреми.

– Ты имеешь в виду бургундцев? – мрачно спросил Пьер.

– Разбойники и бургундцы – один черт, – сказал Жан, отламывая кусок и возвращая хлеб Габриэлю. Хлеб был грубый, но вкусный, а сыр – жирный, сливочный, с острым запахом. – Ты живешь в Бюре-ан-Во, а это рядом с Вокулером, поэтому вас защищают королевские солдаты.

– Они и вас должны защищать, – сказал Габриэль, на что Пьер лишь пожал плечами; по всей видимости, это была болезненная тема в Домреми. – А вы сами дрались с разбойниками?

Габриэль никогда не участвовал в подобных событиях, и это вызывало у него острейшее любопытство.

– Нет. Мы постарались убраться с их дороги. Отец отправил нас в старую крепость, что на острове посреди реки, мы туда переправили наш скот и все, что смогли взять с собой из имущества. Иногда мы уходим в Нешато, если бургундцы перекрывают нам выход к реке. – Приветливое лицо Пьера посуровело.

– У нас конь сильный, но не всем так повезло.

При этих словах любопытство Габриэля приобрело иной характер.

– Кого-то... убили?

– В этот раз нет. Мы вовремя предупредили, и все успели увести скот и спрятаться.

Пьер легонько пнул брата, который говорил с набитым ртом:

– Габриэль, иди угости сыром Жанетту, пока эта свинья все не съела. Она целый день или танцует, или стоит у реки и смотрит на воду, будто та с ней разговаривает, и наверняка уже успела проголодаться.

– А где она? – В груди у Саймона затрепетало от возбуждения.

– А вон она – резвушка в красном платье. – Пьер указал на полную энергии девушку, что двигалась быстро и ловко. Ее длинные, немного растрепанные черные волосы, украшенные цветами, ниспадали до пояса.

«Я самый счастливый из всех историков, когда-либо живших на этом свете». От радости у Саймона закружилась голова, а Габриэль тем временем на длинных жеребьчих ногах направился к Жанне д'Арк.

– Жанетта? – Руки юноши немного тряслись, когда он протягивал ей хлеб и сыр.

Жанна д'Арк, Орлеанская дева, причисленная к лику святых, обернулась.

У нее были большие синие глаза, в которых отражался покой и пронизательная сила. Казалось, они видели Габриэля насквозь, проникали в самую его душу. Он затаил дыхание и мог только смотреть на нее не отрываясь, кровь в нем забурлила, он залился краской и...

Мир вокруг скомкался, как бумага. Природа вокруг, танцующие люди – все вдруг с головокружительной быстротой рассыпалось на мелкие осколки, унося с собой незабываемо прекрасное лицо юной воительницы.

Саймон Хэтэуэй остался в кромешной темноте и услышал собственный крик.

Тошнота накрыла Саймона волной так внезапно, словно удар под дых невидимым гигантским кулаком. В горле драло, как он понял, от истошного крика, но Хэтэуэй продолжал кричать, хотя звука собственного голоса не слышал. Его, опутанного ремнями, трясло, пот струился по телу ручьями, губы сделались сухими, как вата. Шлем с головы сняли, и прохладный ветерок принялся обдувать его влажное лицо. Саймон перестал кричать и вместо этого принялся судорожно хватать воздух ртом, одновременно всматриваясь в лицо женщины, которая показалась ему незнакомкой.

Это была не она.

– Прости, Саймон. – Голос словно ножом прорезал охватившую его панику, и из помутненного сознания медленно всплыло имя – Виктория. – Я не ожидала такой реакции на эту конкретную симуляцию. – Дать тебе бумажный пакет?

Вопрос вызвал такое отвращение, что Саймон невероятным усилием воли сдержал рвотный позыв и проворчал что-то нечленораздельное. Виктория приняла его мычание за «нет» и принялась расстегивать застёжки на ремнях, которые, казалось, змеями оплели все его тело. Хэтэуэю с невыразимой тоской захотелось кожей ощутить простую тунику из грубой шерсти.

– Что случилось? – хрипло выдавил из себя Саймон.

Доктор Бибо с тревогой смотрела на него.

– Произошла рассинхронизация, неожиданно и резко, – сказала Виктория. – Такая реакция обычно возникает во время батальных сцен. Что случилось?

– Не знаю. – Саймон кивком поблагодарил ее за освобождение от ремней и осторожно сошел с платформы. Ноги были ватными, и, когда Виктория взяла его под локоть, он не стал возражать. Женщина довела его до стула и подала стакан воды. – Вы были правы: рассинхронизация действительно вещь неприятная. Чувствую себя так, будто меня лошадь лягнула в грудь.

Виктория чуть заметно улыбнулась: Саймон быстро восстанавливался, и она почувствовала облегчение.

- Вы так говорите, как будто пережили что-то глубоко личное. Это так?

- Нет, - ответил Саймон. - Глубокие переживания испытал Габриэль, а не я. Но почему произошла рассинхронизация?

- Сама не пойму, - призналась Виктория. - Хотя у меня есть пара идей на этот счет. Прежде всего, Саймон, вы сами намеренно вытащили себя из симуляции. Зачем?

- Я этого не делал.

- Нет, - продолжала настаивать доктор Бибо, - делали. Габриэль не мог выйти из потока собственной памяти.

- Нонсенс. Я только встретился лицом к лицу с самой Жанной д'Арк. Мечта любого историка! Так с какой стати мне намеренно прерывать этот опыт?

- Вот и расскажите мне. - Виктория подняла руку, прерывая поток готовых сорваться с его губ возражений. - Я давно этим занимаюсь, Саймон, и довольно неплохо определяю причину внезапной рассинхронизации. - Значительно мягче она добавила: - Саймон, вы... попросту говоря, сбежали.

Профессор Хэтэуэй вспыхнул.

- И мы не возобновим работу, - продолжила доктор Бибо, - пока я не выясню причины произошедшего. Это может вам навредить.

- Я скажу, кому вы сможете этим навредить - моей карьере, которая закончится в ту же секунду, если я не предоставлю Риккину интересующую его информацию, - резко ответил Саймон. Он провел рукой по волосам и обнаружил, что они мокрые от пота.

Виктория продолжала настаивать:

- Если эффект просачивания вас ломает, бессмысленно будет волноваться о вашей дальнейшей карьере. Саймон, ваши показатели значительно превысили допустимые нормы. Возбужденный мозг выбросил в кровь огромное количество

гормонов, резко усилилось сердцебиение, началось сильное потоотделение. Повторюсь, если бы такое случилось во время сражения, это было бы понятно, но... – Виктория замолчала и покачала головой, а затем продолжила, уже гораздо спокойнее и тише: – Я говорила вам, что собственными глазами наблюдала, как человек потерялся в прошлом, считая себя ассасином, чей поток памяти он исследовал. Он порвал отношения со своей девушкой, потому что полюбил другую, ту, что умерла двести лет назад. У него случались временные помутнения сознания, и когда он приходил в себя, обнаруживал письма, написанные ему Арно Дорианом... по-французски, хотя он сам не владел этим языком. В конце концов он умер, Саймон. Признаюсь, наблюдать за всем этим было невыносимо, и я до сих пор живу с чувством вины. Я должна была прервать процесс до того, как все зашло так далеко. Второй раз я не совершу подобной ошибки. Поэтому, пожалуйста, объясните мне, почему вы вышли из потока памяти своего предка?

Саймон вздохнул и на мгновение закрыл глаза:

– Что-то в этой девушке его сильно взволновало... и до смерти напугало.

– Не вас, его?

Саймон на секунду задумался.

– Сейчас мне трудно это определить. – И это было правдой.

Виктория наклонила голову и как-то странно на него посмотрела. Профессор Хэтэуэй смутился, доктор Бибо попыталась спрятать улыбку.

– Что ж, давайте проверим. – Виктория подошла к компьютеру и проверила его показатели. – У вас произошел выброс серотонина, дофамина и норэпинефрина. Понимаете, что это значит?

– Я не химик.

Лицо женщины расплылось в улыбке.

– Только не говорите мне, что забыли, насколько всепоглощающей может быть первая любовь.

Саймон оторопело уставился на свою напарницу:

– Вы это серьезно?

– Абсолютно.

– Просто, мать его, прекрасно, – со вздохом протянул Хэтэуэй. – Мне придется болтаться в теле по уши втрескавшегося юнца. Надеюсь, хорошая драка даст выход его тестостерону.

– Или чему похуже, – сказала Виктория.

– Нет, – устало и очень искренне сказал Саймон. – Хуже уже просто некуда.

– Если это как-то поможет, хочу напомнить, что Жанна д'Арк была чрезвычайно харизматичной личностью. У юноши в пубертатном возрасте с соответствующим этому периоду интересом к девушкам не было ни малейшего шанса.

Успокоившись и собравшись с собственными мыслями, Саймон попытался вспомнить все и посмотреть на девушку, которой суждено было стать святой покровительницей Франции, не глазами переполненного гормонами юнца, а глазами непредвзятого историка.

– Пожалуй, я соглашусь с этой гипотезой. Но думаю... что это еще не все. За всем этим кроется что-то еще... – Саймон посмотрел на Викторию. – Я хочу вернуться.

Она подумала с минуту и кивнула:

– Хорошо. Но давайте выберем другой временной отрезок. – (Саймон мысленно поблагодарил Викторию, пока женщина просматривала свои записи.) – Жанна еще неделю провела в Бюре-ан-Во в обществе Лаксартов. – Доктор Бибо взглянула на профессора Хэтэуэя, едва сдерживая улыбку. – Возможно, ей захотелось быть ближе к Габриэлю.

– Просто превосходно, – сокрушенно сказал Саймон.

– Мне очень жаль, – произнесла Виктория тоном, в котором не слышалось ни капли сожаления. – Я запускаю симуляцию позднего вечера двенадцатого мая. Готовы?

– Разумеется, – ответил Саймон с уверенностью, которой совсем не чувствовал в себе.

Сейчас он уже имел некоторое представление о том, что его ждет, но это не особенно меняло дело. Туман в коридоре памяти казался каким-то чуждым, и Хэтэуэй не знал, как скажется на нем возвращение в прошлое.

Когда серый туман начал материализовываться в окружающие его предметы, профессор услышал у себя в голове голос Виктории:

– Саймон, что вы думаете о Жанне?

– Я? Ну, она очаровательная, – ответил он. – И если она действительно владела мечом Эдема, то сохранившиеся сведения о ее чудесных способностях кажутся более чем правдоподобными. Мир, в котором она жила, не относился с таким недоверием к высшим силам, как наш. Тогда не подвергали сомнению возможность слышать голоса, вопрос был только в том, чей именно это голос – Бога или Сатаны.

– Но что вы сами думаете о ней?

– Я... Да я особо о ней не думаю. – (Загрузка симуляции почти завершилась.) – Я – историк. И мы не можем любить или ненавидеть кого-то, мы можем только наблюдать.

– Это поможет вам противостоять эффекту просачивания, – удовлетворенно сказала Виктория.

Туман в коридоре памяти трансформировался в темную ночь с небом, украшенным звездами и тонким рожком ущербной луны.

Габриэль проснулся около полуночи. С приездом Жанны он сделался беспокойным, спал тревожно, ни с того ни с сего просыпался в самый неурочный час. Обычно за день он так уставал от работы со скотом, принадлежавшим его отцу, – что не шло ни в какое сравнение с работой в торговой лавке его отчима, – что всю ночь спал как убитый. А теперь ночами он бродил по узким улочкам Бюре-ан-Во. Поскольку городок был очень маленький, то и прогулки были короткими. Но чаще, как сейчас, выйдя из дома Лаксартов, он прислонялся к арочному проему и смотрел на звездное небо, потом возвращался в дом, забывался тревожным сном, ворочался и метался, пока снова не просыпался.

– Саймон, ну как дела?

– Все в порядке, – ответил профессор Хэтэуэй сухими губами Габриэля.

Что же было такого особенного в этой Жанне? Ее нельзя было назвать красавицей: нижняя часть лица немного квадратная, лоб довольно высокий. Ее глаза были какими-то невероятно синими, а волосы – невероятно черными, и все это в сочетании с физически осязаемой энергией, которая исходила от девушки, действовало одурманивающе.

– Совершаешь всенощные бдения? – раздался откуда-то со спины тихий мелодичный голос.

Габриэль вздрогнул. Жанна стояла в нескольких шагах от него, как и он, плотно укутанная в плащ. Ночка выдалась прохладной. Хотя в темноте и сложно было что-то разглядеть, но Габриэль отчетливо видел ее лицо, губы, белизну сильных рук, придерживавших плащ. Звезды отражались в ее глазах, и ему показалось, что она сама будто создана из их света.

– Что? – переспросил он дрогнувшим голосом.

Жанна подошла ближе:

– По крайней мере, монахи называют это именно так. Еще оно называется вигилия, или всенощное бдение, или всенощная. Ты же знаешь о богослужениях. – (Конечно, он знал. Все это знают. Церковные колокола звонят восемь раз в день. Но он не подозревал, что ночную службу называют как-то иначе.) – Будь я дома, я бы бросила все, только услышав звон ко всенощной, и

побежала бы в церковь, – сказала Жанна с легким смехом. – Мне даже приходится ругать нашего звонаря, когда он звонит с запозданием. Но по ночам, чтобы попасть на службу... мне приходилось украдкой сбегать из дому.

На ее лице появилась озорная улыбка, и Габриэль на мгновение затаил дыхание. Она подняла лицо к звездам, и улыбка исчезла.

– Знаешь, они дразнят меня.

– Кто?

– В основном мальчишки – братья и даже мои друзья. Они любят меня, но им кажется странным, что я так часто хожу в церковь.

Прежде Габриэль тоже находил странными эти частые походы в церковь, слыша о них от посторонних. Но все изменилось после их с Жанной знакомства. Она была простой девушкой – любила посмеяться, занималась обычными домашними делами и не позволяла себе расстраиваться из-за насмешек. Она все принимала легко, как данность, и потому это последнее признание озадачило Габриэля.

Жанна повернулась к нему, в темноте ее большие глаза поблескивали.

– Ты тоже думал, что я странная?

Он хотел сказать «нет», но не посмел солгать, глядя ей прямо в глаза.

– Только поначалу. Но когда узнал тебя получше... я вижу, что ты счастлива. И вся светишься изнутри. Думаю, это очень красиво.

У него едва не вырвалось «и ты тоже очень красива», но он прикусил свой неповоротливый язык. Лицо Жанны озарила улыбка.

«Я пропал», – подумал Габриэль, и сердце у него в груди учащенно забилося.

– Габриэль... ты никогда не чувствовал, что отличаешься от других людей?

На какую-то долю секунды он ощутил сильнейшую боль от этих слов и едва заметно задрожал.

– Я незаконнорожденный. И знаю, что я не такой, как все.

– Тебя это расстраивает? – В глазах Жанны появилось сочувствие.

Он кивнул.

– Меня это не беспокоило, когда я жил с отцом и матерью. Я имею в виду мачеху и отчима, – поправил себя Габриэль. – Других родителей я не знал. Мой отчим был торговцем в Нанси. То, что он мне не родной отец, я узнал только после... его смерти. Он заболел лихорадкой.

Жанна грустно вздохнула и взяла его за руку. Габриэль напрягся, предчувствуя наплыв странных, почти болезненных ощущений, которые всегда накрывали его в самый неподходящий момент. Но рука Жанны была прохладной, и ее прикосновение не взволновало, а, наоборот, успокоило его. Напряжение спало, и говорить стало легче.

– Мама еще целый месяц боролась с болезнью, но в конце заставила меня написать письмо Дюрану с просьбой позаботиться обо мне. Я не верил, что он согласится, а даже если и так, я не знал, как на это посмотрит его жена.

Жанна наклонила голову, лицо ее все еще светилось. «Это звезды или я?» – гадал Габриэль.

– Теперь Лаксарты твоя семья... они хорошие люди. Поэтому... – Она вдруг замолчала и сжала его руку. – Жанна, кажется, хорошо к тебе относится.

«Да, точно. Еще одна Жанна, – подумал Саймон. – Очевидно, это мачеха Габриэля. Нужно быть начеку и не путать их».

– Так и есть, – поспешил заверить ее Габриэль. – Ты права: Лаксарты хорошие люди. – Нерешительно Габриэль сжал руку Жанны. – Но я не планирую надолго здесь оставаться. Нанси довольно большой город. Я научился считать деньги, вести приход и расход средств, учет товара. Сельское хозяйство... это совсем

другое. И я пока не определился, чем мне в будущем заниматься.

– Я тоже не такая, как все, – сказала Жанна. – Но что делать в жизни, я знаю. – Она отняла руку, и Габриэль вдруг почувствовал пустоту и холод ночи. – Мы ведь с тобой друзья, не так ли?

Юноше на мгновение показалось, что сердце в груди остановилось, потом оно застучало... медленно, содрогаясь болью. Во рту пересохло, и он с трудом выдал из себя:

– Да, – а сам подумал: «Если ничего другого между нами быть не может, я буду дорожить тем, что есть».

– Тогда я попрошу тебя о помощи. Мне всегда так трудно кого-то о чем-то просить.

– Я готов, – живо ответил Габриэль. – Я сделаю все на свете для тебя, Жанетта.

– Завтра я попрошу твоего отца кое-что сделать для меня. Просьба может показаться странной, но мне необходима твоя поддержка в том, чтобы убедить его мне помочь.

– О чем же ты хочешь его попросить?

Жанна отвела взгляд в сторону, ее лицо сделалось задумчивым, – казалось, она смотрела на кого-то у него за спиной. Габриэль оглянулся, но никого не увидел, кроме кота, который бледным пятном сидел на стене и вылизывал переднюю лапу.

– Не могу сказать, – ответила Жанна. – Пока не могу. Я хочу, чтобы ты мне доверял. Ты сможешь мне?

Жанна пристально смотрела на него, ее стройное крепкое тело выдавало напряжение, Габриэлю показалось, ее лицо засветилось еще ярче. Он мог дать только один ответ:

– Конечно, Жанетта. О чем бы ты ни попросила моего отца, я тебя поддержу.

Серьезное лицо Жанны расплылось в улыбке, и Габриэль мог поклясться, что его сердце сейчас выпрыгнет из груди.

– Ты хороший человек, Габриэль. Спокойной ночи.

Девушка ушла, а юноша еще долго стоял и не мог понять, привиделось ли все это ему или было на самом деле.

Саймон пребывал в полном замешательстве от того, каким Габриэль видел лицо Жанны. Сцена начала меркнуть, превращаясь в серый туман, а затем в полную черноту.

– Я возвращаю тебя, – раздался голос в голове Хэтэуэя.

Минуту спустя Саймон почувствовал легкое прикосновение к плечу: Виктория вернула его к реальности. В лицо ударило приятной прохладой, когда она сняла с него шлем. Только тогда он понял, что весь мокрый от пота.

– Виктория, – Саймон не мог сдержать нетерпения, – вы... вы это видели? Лицо Жанны?

Доктор Бибо бросила на него любопытный взгляд:

– Что вы имеете в виду?

– Она... она... – Саймон не мог подобрать слов. – Она была... я не знаю, может быть, это лунный свет или воображение Габриэля, но ее лицо... светилось.

Лицо Виктории сделалось бесстрастным – она надела маску профессионального психиатра.

– Я видела через ваше восприятие, что Габриэль думал, будто ее лицо светилось, – уклончиво сказала женщина.

– Я ожидал увидеть подобное свечение, исходящее от меча или другой частицы Эдема, но... оно исходило от нее. Исключительно от нее. И Габриэль тоже это

видел. – Доктор Бибо освободила от ремней его правую руку и приступила к левой. Саймон воспользовался моментом и положил свободную руку женщине на плечо. – Виктория... я думаю, мы нашли не одного, а двух человек с ДНК Предтеч.

5

Виктория отказалась что-либо обсуждать, пока Саймон не поест.

– Еда заземляет, – сказала она. – Быстрее выйдете из тела Габриэля и вернетесь в свое. Ешьте! – Она бросила ему шоколадный батончик «Лайон бар».

Несмотря на внутреннее сопротивление, Саймон подчинился:

– Хорошо, я последую совету доктора. Итак, доктор Бибо, будьте так любезны, поделитесь своими мыслями.

– Признаюсь честно, я была несколько обеспокоена после вашего внезапного «выброса» из симуляции. – (Саймона это тоже обеспокоило, но он предпочел промолчать.) – Но, приняв во внимание влюбленность Габриэля, харизму Жанны, которые могли повлиять на вас, и тот факт, что вы впервые оказались в «Анимусе», я решила дать вам еще один шанс. Объективно говоря, вы обладаете сильной волей, если добровольно выбрали рассинхронизацию. Я не думаю, что эффект просачивания представляет для вас угрозу, по крайней мере на данный момент.

– Звучит успокаивающе, – сказал Саймон. – Но вернемся к Жанне и Габриэлю... Я никогда не слышал ни о чем подобном.

– Я тоже, – согласилась Виктория.

– Она излучает ту же волну... – он пытался найти подходящее слово, – принуждения? Нет, не то. И слово «харизма» здесь не подходит. Габриэля притягивает к ней, как обычно притягивает людей к частице Эдема – будто бы против их воли. Я буквально вижу эти нити, которые исходят от него. И вся

жизнь Жанны, особенно в начале ее активной деятельности, дает нам нескончаемую вереницу примеров, какой силой вдохновения и убеждения она обладала.

– Что касается Габриэля, мы знаем о бурлящих внутри его гормонах, и это совершенно естественно для его возраста. Также очевидно, что влияние Жанны распространялось не на всех и вся. Ее с трудом можно назвать частицей Эдема во плоти.

Виктория говорила спокойно и мягко, но ее слова больно ударили по Саймону, и он чуть заметно скривился. Хэтэуэй старался не думать о печальном конце Орлеанской девы. Виктория была права. Если бы Жанна была частицей Эдема во плоти, никто бы просто не посмел осудить ее и уж тем более приговорить к смертной казни.

– Нет, никакая она не частица Эдема, и слава богу! Эти артефакты, даже неодушевленные, обладают колоссальной силой. А живой человек, наделенный подобной мощью, даже если он сражается во имя благородных целей... Даже страшно себе представить.

– В то же самое время я вынуждена согласиться, что, вероятно, у Жанны и Габриэля большой процент ДНК Предтеч. Важно разузнать об этом побольше. Сегодня обнаружить такую ДНК удастся нечасто, и с каждым поколением она встречается все реже и реже.

Саймону это было хорошо известно. И в данный момент тамплиеры прилагали немалые усилия, чтобы найти Шарлотту де ла Круз, которая, по слухам, обладала частицей ДНК Первой цивилизации.

– Жанна д'Арк всегда была незаурядной личностью, – сказал Саймон. – И нам предстоит узнать, насколько незаурядной она была. Я знаю, о чем она хочет попросить Дюрана и Габриэля – отвезти ее в Вокулер.

– Что там должно произойти?

– Она должна встретиться там с капитаном города Робером де Бодрикуром. Жанна хочет, чтобы он сопровождал ее в Шинон, где в то время находилась резиденция дофина Карла.

– А он в Шиноне?

Саймон нахмурился:

– На самом деле нет. Пока. Думаю, нам нужно сделать скачок во времени к следующему значительному событию. Я не уверен, что вы по-настоящему понимаете, насколько трудно историку перескакивать через ключевые моменты истории. Больно даже один такой момент пропустить. Когда Жанна вернулась назад в Домреми после первой неудачной попытки убедить капитана в своей миссии, все жители ее деревни вынуждены были эвакуироваться в Нешато. Все, что к их возвращению осталось от Домреми, – это догорающий остов церкви. Несколько месяцев спустя Жанна была вовлечена в судебное разбирательство о нарушении обязательств по договору. Как я могу пропустить такое событие?

Виктория, будто вопреки себе, выглядела заинтересованной.

– Что это был за договор?

– Маритальный. Родители устроили помолвку, и отказ Жанны своему жениху стал поводом для вызова в суд. Она заявила, что никогда не даст своего согласия на этот брак. Имя жениха навсегда потеряно для истории, и я горю желанием его восстановить. Только не говорите мне, что вам неинтересно знать, кто это был.

– Мне любопытно узнать его имя. Но у нас есть только одна неделя, точнее – пять дней, чтобы изучить события, сохранившиеся в памяти Габриэля. Как только вы докажете Риккину важность ваших исследований, думаю, у вас будет больше времени для удовлетворения вашего личного любопытства.

Саймон пристально посмотрел на женщину:

– Профессионального любопытства. Мне не угрожает опасность проснуться и обнаружить записи, которые я писал самому себе от имени Габриэля.

– Уверена, этого не произойдет. – Однако Виктория по-прежнему выглядела обеспокоенной.

Саймон гадал, каким будет следующее «важное событие» в соответствии с алгоритмом, определенным доктором Бибо. Его любопытство совсем скоро было удовлетворено.

Четверг, 12 февраля 1429 г.

Жанна рыдала на груди Габриэля.

«Что за черт?» – недоумевал Саймон.

– Я ясно вижу, что должно произойти! – Жанна плакала так сильно, что на рубахе Габриэля образовалось мокрое пятно. – Почему этот человек даже не захотел со мной разговаривать? Что я делаю не так?

Немного встревоженный увиденным, Саймон полез в память Габриэля за информацией. Итак, Дюран Лаксарт вернулся в Бюре-ан-Во помогать жене с новорожденным. Жанна делила комнату в доме с Катрин Ройер, в другой жили Габриэль с Анри. В данный момент последний находился в своем магазине, а Катрин была в комнате, где топили печь и которая служила им и кухней, и гостиной одновременно.

Незадолго до этого Жанна стояла у дверей капитана де Бодрикура, пока не окоченела от холода и не обессилела от голода. Габриэль привел ее домой, и пару минут назад Катрина послала его уговорить Жанну съесть хотя бы миску супа. Он ожидал найти ее обессиленной, упавшей духом и заготовил целую речь, чтобы ободрить ее. Но вопреки его ожиданиям Жанна в слезах бросилась ему на грудь.

Он прижимал ее к себе и покачивал, словно маленького ребенка, передавая ей свой покой и вместе с тем благоговейный трепет. Жанна, вцепившись в его рубаху, выплакала наконец все слезы злости на капитана де Бодрикура и бессилия до него достучаться.

– Бедных, ни в чем не повинных жителей Орлеана держат в осаде с октября. И сегодня они потерпели еще одно поражение в попытках доставить в город продовольствие. Дети страдают от голода за стенами осажденного города, а этот глупый капитан даже не захотел разговаривать со мной!

«12 февраля 1429 года состоялась „Селедочная битва“, – вспомнил Саймон. – Орлеанцы напали на обоз с копченой сельдью, который англичане отправили в свой лагерь осаждающих. Охраной обоза руководил опытный воин, рыцарь Джон Фастольф, увековеченный Шекспиром в карикатурном образе пьяницы и гедониста сэра Джона Фальстафа. По случаю Великого поста вместо мяса везли рыбные припасы, поэтому битва и получила такое смешное название. Орлеанцы потерпели поражение, Жан де Дюнуа, больше известный как Орлеанский бастард, едва уцелел в этом сражении и сумел (вместе с женой) спастись бегством. Жанна скоро с ним познакомится».

Но откуда девушка могла знать об исходе битвы?

Габриэль тоже был шокирован ее словами, а особенно тоном, которым они были произнесены. Жанна говорила о поражении как о свершившемся факте.

Выплакавшись, девушка отстранилась. Лицо у нее распухло, глаза покраснели, но она продолжала лучиться каким-то неземным светом. И Габриэль почувствовал облегчение, вновь заметив его.

– Ну, теперь ты поешь немного? – спросил он. Жанна посмотрела на миску с супом и поморщилась. – Ради меня, Жанетта... то есть, прости, Жанна.

После встречи с капитаном де Бодрикуром девушка стала называть себя не иначе как Жанной Девственницей, забыв о детском уменьшительно-ласкательном Жанетта.

– Ну хорошо, только ради тебя, – со вздохом промолвила она.

Габриэль улыбнулся:

– Спасибо. Я сейчас принесу тебе немного хлеба и вина. – Юноша поднялся с кровати, где сидел рядом с Жанной, и направился к двери. Но, открыв дверь, он вдруг замер как вкопанный.

Из соседней комнаты слышался мужской голос... Анри из магазина еще не возвращался. Жанна тоже замерла, опустив ложку с супом на стол и повернув голову в сторону двери. Затем она поднялась, двигаясь плавно и осторожно,

аккуратно отстранила Габриэля и смело шагнула в открытую дверь, будто в одно мгновение к ней вернулись все силы.

С Катрин вежливо разговаривал высокий мужчина, в маленькой комнате казавшийся великаном. Это был один из людей де Бодрикура. Он повернулся навстречу вошедшим. Мужчина был лет на десять старше Габриэля. Его черные умные глаза искрились юмором. По его чисто выбритому лицу было видно, что он любит посмеяться.

– Заехал повидать маленькую лисичку! – воскликнул незнакомец. – Вы та самая пресловутая Девственница, которая досаждаёт моему хозяину капитану де Бодрикуру?

Прежде чем Жанна сказала в ответ что-то резкое, Катрин смиренно произнесла:

– Жанна, Габриэль, это оруженосец сеньора де Бодрикура – Жан де Мец. Он приехал поговорить с тобой, Жанна.

Смущенная Катрин предложила необычному гостю присесть. Жанна неторопливо выпрямилась и ничего не сказала, но внимательно посмотрела на оруженосца, как смотрела на всех, с кем ей доводилось встречаться.

Ее поведение, похоже, рассмешило гостя. Он откинулся на стуле, вытянул ноги к камину, где горел огонь, и широко улыбнулся. Вздохнув преувеличенно громко, он начал разговор:

– Что ты здесь делаешь, милочка? Может быть, ты считаешь, что король обречен и вскоре будет изгнан из своего королевства, а остальные в ближайшее время заговорят по-английски?

Жанна тихо фыркнула, а Габриэль едва сдержал улыбку. Этот Жан де Мец представления не имел, с кем он говорит.

– Я прибыла сюда, в город, где утверждают, что любят дофина, чтобы попросить Робера де Бодрикура проводить меня к королю или дать мне провожатых, но он не обратил внимания ни на меня, ни на мои слова. – Жанна говорила медленно, с расстановкой, словно с маленьким ребенком. – И все же до четвертого

воскресенья Великого поста я должна и буду стоять по правую руку короля, даже если мне придется ради этого стереть ноги до колен.

- До Шинона путь не близкий, - сказал де Мец. - Недели две, а то и больше. Днем на тебя могут напасть англичане или их друзья-бургундцы, а ночью по дорогам рыщут грабители в поисках наживы - денег или таких, как ты, девственниц.

Он смерил ее взглядом с ног до головы. Габриэль почувствовал приступ ярости, но Жанна даже глазом не моргнула. Она молча подошла к де Мецу и заглянула ему в глаза. Он возвышался над ней, словно башня.

- Я не боюсь. Англичане или разбойники, Бог откроет мне безопасный путь.

- Ты в это веришь?

- Вы слышали о пророчестве, - настаивала Жанна. - «Женщина погубила Францию, но дева из Лотарингии ее спасет». Грешная королева Изабелла Баварская подписала договор в Труа и передала трон Франции малолетнему английскому королю. - Глаза Жанны вспыхнули. - А я родом из Лотарингии.

- Ты не первая дева из Лотарингии... - начал де Мец, но Жанна его перебила:

- Я была рождена для этого. Потому что никто на свете - ни короли, ни герцоги, ни шотландская принцесса - не сможет спасти Французское королевство. Никто, кроме меня!

Ее голос, всегда такой мелодичный, сейчас звучал резко и звонко. Но де Мец продолжал улыбаться и смотреть на нее с недоверием.

- Это братья вложили в твою прекрасную головку мысль о войне и битвах?

Жанна горько рассмеялась:

- Я предпочла бы вернуться в Домреми и прясть подле своей матери. Но это от меня не зависит. Я должна пойти в Шинон, я должна сделать это! Ибо на то воля Господа нашего.

Она говорила уверенно и страстно, и лицо ее лучилось тем удивительным светом, что приводил Габриэля в священный трепет.

Бодрая веселость сошла с красивого лица оруженосца, уступив место иному выражению, похожему на тихую, глубокую радость, и Жан де Мец, к великому удивлению Катрин, Габриэля и самой Девы, опустился перед Жанной на одно колено.

– Девственница, – сказал он без тени насмешки, – я предлагаю тебе свою силу в знак моей веры в тебя. Я отведу тебя к сеньору де Бодрикуру, моему хозяину, и, клянусь честью, доставлю невредимой к дофину.

Де Мец молитвенно сложил руки и воздел их к Жанне. Та обхватила их своими руками, и в этот момент ее лицо засияло так ярко, что Габриэль едва мог выдержать этот неземной свет. Это был древний жест верности, и волосы на руках Габриэля – и Саймона – встали дыбом. Юноша был поражен тем, что де Мец признал себя вассалом Жанны. Саймон же был поражен кое-чем еще.

Сияло не только прекрасное лицо Жанны. В рукавах де Меца, спрятанное от посторонних глаз, доступное взору немногих – лишь тех, кто мог видеть больше обычного человека, – что-то поблескивало.

Что-то острое. Смертельно опасное.

Острие скрытого клинка.

Жан де Мец был ассасином.

6

– Вы это видели? – неожиданно для самого себя закричал Саймон. И тут же страшно пожалел об этом, потому что картинка стала размываться в серое пятно.

Острая боль пронзила голову, словно скрытый клинок де Меца вошел ему в висок.

Симуляция прервалась. Пот струился по его телу, сердце бешено колотилось, глаза вылезали из орбит. Виктория сняла с него шлем и неодобрительно сказала:

– Саймон, вы ведете себя хуже своего юного предка. На какие-то обстоятельства вы реагируете слишком эмоционально.

Замечание задело Хэтэуэя, который, вообще-то, не считал себя человеком эмоциональным. Но слова доктора Бибо, к его удивлению, были справедливы. С детства он сказкам предпочитал реальные истории и сохранил эту страсть до сих пор. Чем глубже в прошлое уходили события, тем больше они его привлекали. Уроки истории давали информацию, но не подлинный опыт. И только сейчас Саймон начал понимать, какое сильное влияние оказывал на него «Анимус».

«И я еще смею упрекать Габриэля», – подумал профессор.

– Что же такое невероятное вы увидели, что заставило вас прервать имитационное моделирование? – спросила Виктория, поднимая его руки и освобождая из ременной упряжи.

– У Жана де Меца есть скрытый клинок, – уже совершенно спокойно сообщил Саймон.

Женщина резко повернула голову в его сторону, ее глаза расширились от удивления.

– Ассасин! Саймон, это действительно впечатляющая новость.

– Как я мог не догадаться об этом раньше. – Пока Хэтэуэй говорил, новые мысли приходили ему в голову. – Жанна была яркой фигурой и, разумеется, привлекла внимание как ассасинов, так и тамплиеров. Вероятно, они искали человека, способного осуществить пророчество. Похоже, у нас появился шанс собрать дополнительную информацию о деятельности ассасинов в пятнадцатом веке и о

частице Эдема номер двадцать пять, а также проследить жизненный путь двух удивительных личностей, носителей ДНК Предтеч.

– К слову, это наверняка заинтересует Риккина настолько, что он даст зеленый свет вашим исследованиям. – Виктория расстегнула последнюю застежку и отступила в сторону, позволяя Саймону спуститься с помоста.

Он чувствовал дрожь во всем теле и потому, как и в прошлый раз, позволил Виктории довести его до стула и дать стакан воды. После этого доктор Бибо достала планшет и начала просматривать свои записи.

– Кажется, вы рады даже больше, чем я сам, – заметил Саймон.

– А почему бы и нет? – Виктория улыбнулась и пододвинула свой стул чуть ближе.

Хэтэуэй вытянул шею и посмотрел на экран планшета:

– Вы знаете, кто тогда состоял в ордене тамплиеров или ассасинов? Мы можем запрограммировать симуляцию на встречи с этими субъектами.

– Да, это интересный исторический отрезок времени, – согласилась Виктория, бегая пальцами по сенсорному экрану, – прошло чуть более сотни лет после казни Жака де Моле и роспуска ордена.

Роспуск. Подходящее слово. Орден, некогда могущественный, был ввергнут в хаос, особенно его французская ветвь. Тамплиеров принудили отступить. Ассасины, воспользовавшись удобным случаем, безжалостно преследовали своих врагов и уничтожали их одного за другим. Но ничто не могло остановить возрождение ордена, он медленно отвоевывал позиции, на время перебравшись из Европы в Англию.

– И возвращение контроля над Францией стало бы для тамплиеров первой наградой, целью ассасинов было не допустить этого, – сказал Саймон.

– У нас мало имен из этого периода, – сказала Виктория. – Много утрачено. Ассасины ликовали, когда де Моле, как еретика, сожгли на костре. Они не

хотели видеть Францию местом возрождения ордена. Ассасины считали, что Франция должна принадлежать французам, а тамплиерам было выгодно, чтобы Франция перешла под контроль Британии, где влияние тамплиеров было достаточно сильным. Англичане и бургундцы будут делать все, чтобы дискредитировать дофина и всех его сторонников.

- И Жанну в том числе.

Виктория кивнула:

- Сейчас... мы наверняка знаем предка только одного тамплиера. - Она показала Саймону его фотографию, и радость в его глазах тут же померкла.

- А, он. Славный парень.

Хэтэуэй читал файл этого конкретного индивида совсем недавно. Его смерть вряд ли будет кем-то оплакана, и уж точно не Саймоном. Уоррен Видик, жестокий и умный создатель «Анимуса», который для разработки новейших технологий использовал собственную генетическую память. Он утверждал, что его предок - Жоффруа Тераж, один из палачей Жанны, - был таким же неприятным человеком, как и сам Видик.

- Среди любителей всякой мистики бытует отвратительная легенда, будто сердце Жанны упорно отказывалось гореть, - сказал Саймон. - Были очевидцы, которые утверждали, что оно сохранилось нетронутым в кучке пепла. Тераж по долгу службы собрал пепел - и заодно сердце, неподвластное огню, - будущей святой и выбросил все это в Сену, чтобы останки Жанны не беспокоили воображение ее врагов. Восхитительная ирония судьбы. Потомок Жоффруа Теража - как и любой тамплиер - желал бы заполучить ДНК Жанны для дальнейшего изучения. Поступок его предка, должно быть, мучил Видика на протяжении всей его жизни.

Тераж был англичанином. У Саймона появилось неприятное ощущение, что Жоффруа, как британский тамплиер, в определенный исторический момент оказался не на той стороне.

Коснувшись его плеча, Виктория прервала размышления Саймона:

– Уже поздно.

– Не настолько.

– Сегодня вы проделали большую работу, и вашему мозгу нужно обработать полученную информацию. Первые несколько дней в «Анимусе» отнимают у человека много сил.

Саймон хотел было возразить, но потом лишь вздохнул и сказал:

– Полагаю, это предписание доктора, а не просто дружеский совет?

– Боюсь, что так. Сегодня ночью вас ждут интереснейшие сны. Вероятнее всего, поутру вам захочется их записать. Иногда после пробуждения случаются повторные воспоминания.

Саймон не смог сдержать зевоту.

– Тело отказывается мне служить, – проворчал он. – Последую вашему предписанию, доктор. На завтра закажу доставку в кабинет «корзины трудоголика» из «Бури». Увидимся утром?

– Первым же делом.

За закрытой дверью офиса генерального директора «Абстерго индастриз» находились двое. Алан Риккин плеснул себе в бокал немного коньяка и предложил выпить доктору Бибо, но она отказалась.

– У нас уже есть определенные результаты... – начала Виктория, но мужчина поднял руку, останавливая ее.

– Начнем с главного, – сказал Риккин. – Ваше мнение о профессоре Хэтэуэе. Вы – мои глаза и уши, когда дело касается нового директора Центра исторических исследований и нового члена Внутреннего Святилища. Полагаю, он, назовем это, энтузиаст своего дела.

– Я польщена вашим доверием. – Женщина чуть заметно склонила голову. – Это честь для меня. Что ж, вы правы. Он полон энтузиазма.

Риккин внимательно посмотрел на нее, вращая бокал и наслаждаясь ароматом дорогого напитка, прежде чем сделать первый глоток. Доктор Бибо сидела у его стола, терпеливо ожидая продолжения разговора. Алан вернулся к столу, сел в кресло и застучал по клавиатуре, затем развернул монитор к Виктории так, чтобы она могла видеть экран. Женщина побледнела и опустила взгляд на свои сложенные на груди руки.

На экране было изображение мужчины, возможно некогда красивого, но сейчас его вид внушал ужас. Все его тело было изрешечено пулями, рот и глаза были открыты – то ли от ужаса, то ли от ярости, возможно, от того и другого сразу. Руки сжимали клочки бумаги.

– Вы уверены, доктор Бибо?

Она глубоко вдохнула, усилием воли заставляя себя смотреть на жестокую картину смерти.

– Роберт Фрейзер был вполне заурядным человеком, – продолжал Риккин. – Талантливый художник-любитель, внимательный наблюдатель, преданный сотрудник. Он также был полон энтузиазма.

– Господин Фрейзер не был тамплиером и тем более членом Внутреннего Святилища, – сказала Бибо. – У профессора Хэтэуэя устойчивая психика.

– Я спрошу вновь... Вы уверены, доктор Бибо? Фрейзер чрезмерно увлекся существованием в теле ассасина Арно Дориана. И погиб в результате несчастной любви своего предка. Нынешний наш подопечный страстно любит историю и изучает Жанну д'Арк глазами влюбленного в нее желторотого юнца. Это вызывает... серьезное беспокойство.

Доктор Бибо напряглась:

– Я знаю, какую роль я сыграла в трагедии Роберта Фрейзера. Никто не желает повторения этой печальной истории, и менее всего я сама, тем более когда дело

касается такого ценного члена ордена, как Саймон Хэтэуэй.

Риккин дружелюбно улыбнулся, сглаживая жесткость атаки:

– Вы тоже, доктор, ценный член ордена. И я бы не хотел, чтобы у вас были неприятности. По этой причине я прошу вас докладывать мне о любом осложнении в работе с Хэтэуэем. Мы должны быть готовы вовремя принять соответствующие меры.

Доктор Бибо встретила с Аланом Риккином взглядом:

– Конечно, если у меня возникнут какие-то сложности, я сразу же сообщу вам, сэр.

Риккин продолжал молча улыбаться. Выдержав паузу, он продолжил:

– Я думаю, предельная бдительность не будет лишней, когда столь многое поставлено на карту. Но кажется, вы обмолвились об определенных результатах, не так ли?

– Да, сэр. Во-первых, похоже, что у Жанны д'Арк имеется ДНК Предтеч.

Риккин не прерывал доктора Бибо, пока та описывала харизму Жанны, ее способность и без частицы Эдема номер 25 оказывать сильное влияние на людей.

– Замечательно, – подытожил генеральный директор. – Жаль, что она не оставила наследников.

– Во-вторых, – продолжала Виктория, – один из ее преданных сторонников оказался ассасином.

От удивления глаза Риккина чуть заметно округлились.

– Только один? Учитывая политический контекст, я бы предположил, что их было много.

– В одном мы уверены абсолютно точно. Я согласна, что их, по всей видимости, было больше. Как только я увидела вовлеченность ассасинов в события, связанные с Жанной д’Арк, пользуясь перекрестными ссылками, я проанализировала все, что мы знаем о политической обстановке во Франции в тысяча четыреста двадцать девятом году, и информацию, скрупулезно собранную в «Анимусе» во время предыдущих исследований. И если мои расчеты верны, то с уверенностью на восемьдесят процентов могу сказать, что в какой-то момент Жанна и Габриэль пересекутся с Наставником ассасинов.

Риккин откинулся в кресле, с уважением разглядывая ее.

– Это была бы весьма полезная информация, – вынужден был признать гендиректор. – Мы знаем о Тома де Карнейоне и его деятельности в первой половине четырнадцатого века. О других ассасинах нам ничего не известно вплоть до выхода на историческую арену двумя столетиями спустя Эцио Аудиторе. Я не удивлюсь, если новое имя возникнет и в ходе Столетней войны.

– Это перекликается с идеей профессора Хэтэуэя о расширенном поиске, – сказала доктор Бибо. – Мы начали исследования, зная только то, что Жанна д’Арк владела мечом Эдема, которого впоследствии лишилась. Нам ничего не было известно ни о связи с ассасинами, ни о ДНК Жанны.

– Принято к сведению. Но... сам меч вы еще не нашли. – Риккин усмехнулся. – И на его поиски у вас с профессор Хэтэуэем осталось пять дней. Используйте их максимально результативно, доктор.

Родриго Лима, начальник Анайи, заглянул в ее кабинет, который женщина делила с двумя коллегами.

– Не дослужилась до отдельного кабинета, – сказал он, многозначительно глядя на два пустых стола. – Ты помнишь, что тебе не платят сверхурочные?

Анайя улыбнулась:

– Кто бы говорил. Ты тоже еще не дома.

– Но разница в том, что я уже ухожу, а ты еще нет.

– Не волнуйся, твой хлеб я не отбираю, – сказала она. – Ты слишком хороший босс.

Родриго улыбнулся и прислонился к дверному косяку.

– Все потому, что я люблю свою работу. И заботиться о коллегах – часть моей работы. – Родриго перестал улыбаться. – Боюсь, как бы ты не сгорела на работе. Ты нужна «Абстерго». Так что не засиживайся до полуночи.

Анайя кивнула:

– Слушаюсь, мамочка.

Родриго в шутку закатил глаза и закрыл дверь.

Анайя знала, что таких боссов, как Родриго, еще поискать, и она его очень ценила. Он требовал многого от своих подчиненных, но и сам работал как проклятый. В нем смешались бразильское радушие, опыт и талант мотивировать своих сотрудников. Для «Абстерго» он был ценным кадром.

А она? Чем или кем она была для «Абстерго»?

Анайя не в первый раз задавалась этим вопросом. В который раз зайдя на официальный сайт «Абстерго», женщина нажала вкладку «Вакансии» и ввела свой код доступа. Появился список вакансий, доступный главным образом тамплиерам. Она пробежала список глазами, пока не нашла то, что искала. Эта позиция висела на сайте уже три недели.

«Монреаль. Директор отдела защиты информации от несанкционированного доступа».

Все говорили, что работать в «Абстерго индастриз» одно удовольствие. Но считалось, что более низкие позиции в Лондоне, Мадриде или Токио лучше подходят для карьерного роста, чем директорские должности в «АИ» в Монреале, который даже не указывался на главной странице сайта

«Абстерго»... что вызывало у Анайи недоумение. В Лондоне она не видела перспектив, потому что добралась практически до вершины лестницы. Ей оставалось только свергнуть с трона Родриго, но его должность Кодари не привлекала.

Анайя тяжело вздохнула. Ей не хотелось возвращаться в прошлое, но неожиданная встреча с Саймоном произвела на нее более сильное впечатление, чем она ожидала. Принимая во внимание крепкую связь между отделом безопасности и отделом технического обеспечения «Анимуса», такие встречи, по всей вероятности, станут частыми. Они расстались без ссор. Анайя подумала, что, разругайся они в пух и прах, было бы легче. Но все как-то... угасло. Даже искры не высечь, с его стороны – уж точно.

В ней что-то теплилось, как ей оказалось, и было неприятно испытать внезапную острую боль при виде его худощавого лица.

Кроме того, в Монреале она снова найдет применение своему французскому. До Лондона она работала в Париже и до сих пор скучала по мелодичному языку.

Анайя заставила себя улыбнуться. Вся ее карьера строилась на дерзости и смелости, но, если дело касалось личной жизни, она не приветствовала перемены. «Что там говорят мудрые люди? Удача сопутствует храбрым», – пробормотала Анайя себе под нос и нажала кнопку «Онлайн-заявка».

7

День 3

Несколько лет назад сотрудники «Бури» с более светлыми, чем у Саймона, головами придумали «корзину трудоголика», которая мгновенно обрела бешеную популярность среди сотрудников «Абстерго». Профессор Хэтэуэй поблагодарил за доставку, оставив курьеру щедрые чаевые, и уныло предрек самому себе, что съест все содержимое «корзины» еще до прихода доктора Бибо.

Виктория наказала ему внимательно смотреть сны. И их, вероятно, было с избытком, потому что он проснулся сильно усталым. Ничего особенного ему не запомнилось, но он чувствовал себя не в своей тарелке, а потому решил приехать пораньше и немного поработать.

Отставив подальше «корзину трудоголика», чтобы не заляпать бумагу, Саймон начал быстро записывать вопросы: «Что насчет дофина?», «Где тамплиеры?» и «Какой еще чертов меч?»...

Виктория появилась ровно в девять.

– Боюсь, что там остались только булочка и немного чая, – сказал Саймон, кивая на корзину с едой.

Женщина уселась на кожаный диван и кивнула на большой пластиковый стакан кофе в своей руке:

– Спасибо, я уже взяла себе кофе.

– Кофе – подарок дьявола.

– Я в курсе. – Виктория пожала плечами и внимательно посмотрела на собеседника. – Вы выглядите усталым.

– Всю ночь смотрел сны, – сообщил Саймон. – Уверен, что приду в себя, как только мы вернемся в «Анимус». – Он присел с ней рядом и протянул исписанный мелким текстом листок. – Вот что ждет нашу Жанну. Де Мец организует встречу со своим господином – к слову, довольно смышленным парнем. Этот Бодрикур, как говорят американцы, «перевел стрелки» на Карла Второго, герцога Лотарингии, который горел желанием познакомиться с Жанной.

– Думаете, этот герцог мог быть ассасином?

– Маловероятно, – ответил Саймон, пока Виктория вносила информацию, мелькая пальцами по экрану планшета. – Как раз перед нашей встречей я изучал его биографию. К тысяча четыреста двадцать девятому году ему исполнилось шестьдесят пять лет, и здоровье все чаще подводило Карла. Это была одна из

причин, по которой он жаждал встретиться с Жанной. Из-за старого пророчества он решил, что девушка обладает даром чудесного исцеления, но был разочарован. Жанна лишь попросила, чтобы муж его дочери, Рене Анжуйский, со своим отрядом сопроводил ее в Шинон. Также Дева обвинила его в распутной жизни, потребовала отослать любовницу и вернуться к жене.

- И что герцог?

- Карл советам не последовал, но отряд Жанне выделил. Честно говоря, если бы я был в его возрасте и мне оставалось всего два года жизни на грешной земле, а какая-то малолетняя безумная осмелилась бы давать мне советы, я бы тоже пропустил их мимо ушей. Возможно, любовница была его единственной отдушиной на склоне лет.

- Таким образом, Жанна с отрядом отправляется в Шинон?

- Не совсем. Прежде чем она отправится к дофину, мы должны взглянуть на первый из мечей Орлеанской девы.

Вторник, 22 февраля 1429 г.

Слухи о Деве из Лотарингии быстро разносились по всему Вокулеру начиная с того самого дня, когда Жанна впервые посетила город, - в мае 1428 года. Пока девушка с роскошными черными волосами и чудесными синими глазами упорно, изо дня в день, ждала встречи с де Бодрикуром, она свободно каждому желавшему ее слушать рассказывала о своей миссии и предназначении. К тому моменту, когда она вернулась из Нанси, горожане собрали одежду и провизию, чтобы она могла без нужды продолжить свое путешествие.

Жан де Мец и Бертран де Пуланжи, еще один рыцарь из отряда де Бодрикура, присутствовали в доме во время встречи капитана Вокулера с Жанной. Она покинула аудиенцию уже в мужской одежде и коротко стриженная, как солдат. У Саймона замерло сердце.

Габриэля удивило предложение де Меца переодеть Жанну в мужское платье, но в этом был резон. Им предстояло путешествие по неприятельской территории, которую контролировали бургиньоны. Если Жанна будет похожа на обычного

солдата, их отряд не привлечет ненужного внимания. И самой девушке путешествовать в мужском платье будет намного удобнее, чем в юбке. Жанна стояла и, казалось, едва сдерживала слезы, кровь прилила к ее лицу от смущения при виде приветствовавшей ее толпы, Габриэль подвел к ней бурой масти коня, холеного и послушного.

- Это от моего отца, - с гордостью объяснил юноша.

В толпе Жанна нашла глазами Дюрана и, переполненная эмоциями, прижала руку к губам.

- Габриэль, твоя семья... все эти хорошие люди... такие большие для них расходы...

- Дева, - раздался голос де Бодрикура, - не надо беспокоиться о великодушной щедрости твоего кузена и хороших людей Вокулера. Я возьму им то, что они дали из любви к тебе, уверовав в твою миссию.

«Прекрасные слова, - раздался в голове у Саймона голос Виктории, - но непохоже, чтобы он разделял настроения этих хороших людей».

Действительно, Саймон вспомнил, что Жанна называла де Бодрикура брюзгой в те моменты, когда он ее особенно расстраивал, а сейчас как раз был такой момент.

Жан де Мец, напротив, выглядел довольным. Де Бодрикур кивнул, его оруженосец выступил вперед, на вытянутых руках он нес что-то завернутое в ткань цветов герба де Бодрикуров - черное с золотом.

- Дева, я передаю тебя в надежные руки, - сказал де Бодрикур, - и буду молиться, чтобы ты благополучно добралась до нашего короля. Также я вручаю тебе оружие, первое в твоей жизни. Возможно, оно тебе не понадобится, но, если все же потребуется пустить его в дело, пусть оно сослужит тебе хорошую службу.

«Ну наконец-то, вот он». Саймон напрягся, как натянутая тетива. Меч, который в данный момент находился в офисе Риккина, не имел никаких видимых

повреждений – бесценное антикварное оружие, но и только. И вся его сила была равна той, что обладал любой обычный меч. Но если это частица Эдема номер 25, то он должен демонстрировать некие иные возможности. Удастся ли ему увидеть эти уникальные свойства меча, или частица Эдема, хранимая в офисе Риккина, так и будет довольствоваться скромной судьбой исторического раритета?

Меч развернули, Жанна подняла его над головой, и радостное ликование охватило толпу.

Меч не имел ничего общего с частицей Эдема в офисе гендиректора.
«Проклятье!»

– Иди! – выкрикнул де Бодрикур, когда небольшой отряд сел на коней и направился к воротам. – Иди, и будь что будет!

«Действительно, пусть будет, что будет, – подумал Саймон. – Пусть понижают в должности, пусть выгоняют...»

С ассасином Жаном де Мецем по левую руку и Габриэлем по правую, Жанна Девственница проехала через арку ворот Франции и начала свое путешествие в историю. То, что должно было бы стать для Саймона триумфальным моментом исследования, омрачилось разочарованием. Но Габриэль был счастлив. Во всяком случае, сейчас.

«Мне очень жаль, Саймон», – вновь раздался в голове голос Виктории.

Историческая сцена расплылась туманом, и профессор этому даже обрадовался. Все было слишком оптимистично, слишком наполнено ожиданием счастливого будущего, хотя впереди этих почти еще детей не ждало ничего, кроме ужаса войны и боли предательства.

Туман сгустился, обретая очертания новой картины: нарастающая луна струила холодный свет на покрытую снегом землю, на фоне ночного неба бесформенно горбатился какой-то дом. Туман уплотнился, и Саймон по небольшим витражным окнам, освещенным изнутри свечами, понял, что это не дом, а церковь. Туман превратился в облачка пара, которые при ходьбе выдыхали Жанна и Габриэль. Это не был час всеобщей, но они не спали и куда-то спешили, будто их

пригласили на важную встречу.

Маленькому отряду Жанны потребовалось одиннадцать дней, чтобы из Вокулера добраться до Шинона. И хотя несколько городов на их пути занимали враждебные бургундцы, а расстояние между городами превышало шестьсот километров, пророчество Жанны оказалось верным: опасности обошли их стороной. На эту ночь они устроились с комфортом, так как Сент-Катрин-де-Фьербуа контролировали французские войска. В предыдущие ночи им приходилось спать под открытым небом то в поле, то в лесу. Жанна ложилась отдельно от мужчин, и иногда они отпускали в ее адрес пошлые шутки, сожалели, что не могут с ней повеселиться, так как поклялись доставить ее в Шинон в целостности и сохранности. Вначале Габриэль в ярости вскакивал на ноги, готовый броситься в драку, но каждый раз Жан де Мец его успокаивал и уводил куда-нибудь подальше.

– Наблюдай и жди, – тихо говорил он юноше, – клянусь жизнью, я отсеку руку любому, кто осмелится к ней прикоснуться.

И действительно, Жанна вела себя с солдатами так, словно они были ее семьей, спокойно и бесстрашно, и они – все молодые, сильные, способные оценить плавность линий ее женского тела – постепенно потеряли к ней любовный интерес, и сальные ухмылки уступили место искренним и добрым улыбкам, а грубые шутки – благопристойным разговорам. Впервые заметив эту перемену, Габриэль повернулся к де Мецу и вопросительно посмотрел на него.

Жан улыбнулся и сказал:

– Я судил по себе. Она красива и хорошо сложена, но... быть подле нее – одного этого уже достаточно.

Габриэль кивнул и повернулся к смеющейся Жанне, которая всецело доверяла окружающим ее мужчинам и ничего не боялась. Это противоречило их природе, но тем не менее так оно было, и Жанна, казалось, принимала сложившуюся ситуацию как должную.

Двери церкви были не заперты, и они вошли внутрь. Днем их маленький отряд уже побывал здесь на мессе, второй за все их путешествие. До визита в церковь Жанна успела продиктовать письмо будущему королю – она всегда обращалась

к нему «дофин», вплоть до того самого дня, когда она отправилась с ним на миропомазание в Реймс, – и вперед с письмом отправили гонца.

В ночной тишине Жанне и Габриэлю показалось, что церковь существовала только для них. Девушка не сводила глаз со статуи святой Екатерины, а душу Габриэля одухотворенное лицо его спутницы трогало гораздо сильнее божественного образа, вытесанного из камня. Они молчали всю дорогу, пока шли сюда, и продолжали молчать и сейчас. Молодые люди приблизились к алтарю, и Саймон вдруг почувствовал, что его усталость как рукой сняло. Габриэль видел, что Жанна излучает свет, и в его груди что-то горело и ширилось. Он последовал примеру своей спутницы, опустился перед святой на колени и принялся про себя читать молитвы.

Неожиданно тишину нарушил голос Жанны:

– Думаю, ты должен знать. – (Габриэль широко распахнул глаза и обнаружил, что девушка смотрит на него. Их лица находились очень близко друг от друга. В ее зрачках искрами отражалось пламя свечей.) – Они предоставили мне самой решать, говорить ли семье о моем отъезде. И рассказать ли тебе о моей тайне. Помнишь ту майскую ночь, когда я присоединилась к твоему ночному бдению? Я готова была открыться тебе еще тогда. Но побоялась. Недоверие и даже презрение я могу принять от кого угодно, но только не от тебя.

Каким-то образом Габриэль знал: то, что она откроет ему, навсегда изменит его самым непредсказуемым образом. Но разве она уже не изменила его?

Жанна глубоко вздохнула:

– Я уже говорила тебе, что знаю волю Бога. Но ты никогда не спрашивал, откуда это знание ко мне пришло. Ты просто принял это на веру. Как и я когда-то.

Казалось, сияние вокруг нее усилилось. И оба, Саймон и Габриэль, были потрясены, и у каждого на то была своя причина. Саймон знал, что? Жанна собиралась открыть Габриэлю, и это вызывало у него священный трепет.

– Мне было тринадцать лет, когда это произошло в первый раз, – сказала Жанна, ее голос был полон благоговейного трепета. – Я была в нашем саду... – Жанна посмотрела на кольцо на правом мизинце. Габриэль знал, что это подарок ее

семьи. Она просила его написать им письмо с просьбой простить ее за то, что вынуждена их покинуть. Они не ответили, и сейчас Жанна говорила и нежно поглаживала кольцо. – Было лето. Я услышала голос, и сразу же поняла, что это голос Бога. Он раздался справа от меня, с той стороны, где стояла церковь, и возник сильный, почти ослепительный свет. Я страшно испугалась, но голос говорил со мной очень ласково.

– И что он говорил? – звенящим шепотом спросил Габриэль.

– Вначале он сказал, что я должна быть хорошей девочкой и делать то, что угодно Богу. И ничего не бояться, потому что Он будет помогать мне. Позже я узнала, что первый раз со мной говорил архангел Михаил, и я... я увидела его. – Глаза у Жанны сияли радостью и счастьем, а губы улыбались. – Я почувствовала, что падаю на колени и обнимаю его за ноги, как ребенок обнимает ноги своих родителей. Он сказал, что святая Екатерина и святая Маргарита тоже придут ко мне, и еще он сказал, что у Бога есть для меня задание. – Жанна отвернулась от Габриэля, посмотрела на статую святой Екатерины, в честь которой была воздвигнута эта церковь, и улыбнулась.

– Жанна...

– Архангел Михаил рассказал мне, в каком бедственном положении находится Франция, и сказал мне, что я должна ее спасти, вернуть ей законного короля. И для того чтобы выполнить это задание, я должна покинуть свою семью. Я не хотела, я боялась, но голос настаивал. Он велел мне поехать к капитану де Бодрикуру и попросить у него солдат, чтобы отправиться к королю, и не отступать, когда капитан в первый раз меня прогонит, и вернуться во второй раз и сделать так, чтобы он меня послушался, потому что Бог откроет его уши и заставит меня услышать.

Во рту у Габриэля пересохло – так высыхает поле после сенокоса под горячими лучами солнца. Он с трудом выдавливал слова – так страшно было их произносить в церкви:

– Откуда тебе было известно, что это были посланцы Бога, а не...

– Сердце подсказало мне. – Она положила руку ему на грудь. – Никакой посланник Сатаны не мог бы дать мне почувствовать такой блаженный покой и...

такую безмерную любовь.

От нежного прикосновения Габриэль содрогнулся всем телом, его будто прорвало: слова полились рекой.

– Жанна, я вижу внутри тебя свет. Верно, это твои ангелы сияют сквозь тебя, точно так же как они говорят через тебя. Они... они с каждым из нас могут говорить?

Ее сияние расширилось и сделалось еще ярче.

– О да, – чуть слышно выдохнула Жанна. – Они говорят с каждым, но не каждый их слышит.

Габриэль и до встречи с ней обращал внимание на девушек. Но, увидев Жанну, он сразу понял, она – иная. Ее мелодичный голос, ее поразительные глаза, живость и сила духа – все было особенным, и он знал, что отныне не сможет жить без этого. Но он не мог понять, это притяжение исходит из глубин его сердца или это ангелы нашептывают ему следовать за ней? Или, возможно, голос сердца и голос ангелов – это одно и то же?

– Позволь мне навсегда остаться рядом с тобой! – выпалил он прежде, чем сообразил, что именно он говорит. – На веки вечные. Пожалуйста!

Жанна повернула к нему лицо и внимательно на него посмотрела:

– Я не могу тебе этого обещать. Все в руках Бога. Только Он знает, должны мы быть вместе или расстаться. Есть еще много чего, что я не могу обещать. – Она положила руку ему на плечо. – Как я могу быть Жанной, женой, когда я дала торжественное обещание оставаться Жанной, девой Лотарингии, до тех пор пока это будет угодно Богу? Я дала это обещание три года назад. Мое тело, мое сердце... сейчас Ему я нужна вся целиком.

Безрассудно влюбленный дурак с отчаянной надеждой уцепился за слово «сейчас». Габриэль уже давно согласился с тем, что он – безрассудно влюбленный дурак.

– Тогда, прошу, позволь мне следовать за тобой столько, сколько это будет возможно.

Поддавшись порыву, она сжала в ладонях его руки:

– Дорогой Габриэль, это... это я могу тебе обещать. От всего сердца. Мои ангелы рады, что я тебе это сказала. Они говорят, что ты избран сопровождать меня. И пока в этом будет необходимость, ты будешь моей тенью, будешь свидетелем моих слов и поступков.

Слезы хлынули из глаз Габриэля. И у Саймона сжалось сердце при мысли, какая судьба уготована этой синеокой деве, такой веселой, такой земной, но отказавшейся от всего земного и отдавшей в руки Божественному провидению.

«Это будет непростой путь, – подумал Саймон. – Особенно в конце».

«Анимус» не был машиной времени. И Саймон не был ее пассажиром или ее пилотом, он, как и Габриэль, был лишь свидетелем.

Молодые люди крепко взялись за руки. Габриэль поднял лицо, посмотрел на статую святой Екатерины и почувствовал, что на него снизошел чудесный покой. Ему хотелось подойти поближе к святой и дальше, к самому алтарю...

И вдруг Саймона словно пронзило молнией: он понял, где находится меч Эдема.

8

Вначале Риккин почувствовал раздражение, когда доктор Бибо отправила ему сообщение, прося о встрече. «Необходимость встречи определяю я», – ответил Риккин.

«Это важно. Вы не пожалеете».

«Пятнадцать минут».

После встречи Риккин намеревался сразу же покинуть офис, но, выслушав доктора Бибо, понял, что ему придется немного опоздать на приватный ланч в «Гибискусе».

– Итак, вы знаете, где находится меч?

– Не совсем, но Саймон начал странно себя вести. Он сказал, что хочет кое-что проверить, прежде чем сделать заключение.

– Иными словами, он демонстрирует крайнюю заинтересованность и держит все в тайне.

– Думаю, в этом нет ничего подозрительного, как он и сказал, кое-что требует проверки прежде, чем выдвигать теорию. Полагаю, он догадывается, где может находиться меч. И... – с довольным выражением на лице Виктория добавила, – я думаю, возможно, Жанна д'Арк контактирует с Консом.

Ее слова заставили Риккина встрепенуться. Конс был связан с осколками цивилизации Ису. Когда Предтечи создали – и поработили – человечество, Конс, единственный из Тех-Кто-Пришел-Раньше, неизменно демонстрировал симпатию к людям и поддерживал их стремление к свободе. Им были созданы плащаницы Эдема – технология, вплетенная в ткань, позволявшая лечить и восстанавливать человеческое тело. Никто до конца не понимал, как эта технология работает, исследователи сошлись во мнении, что, хотя Конса физически больше нет, часть его существа – его дух, если вам больше нравится такой сентиментальный термин, – осталась в структуре плащаницы. Самое раннее упоминание о плащанице сохранилось в греческом мифе, где она была известна как золотое руно, затем она фигурирует как разноцветный плащ Иосифа. Но самое известное ее явление в истории – это Туринская плащаница. Сейчас она находится в распоряжении Альваро Граматики, который в рабочем порядке наносит легкие повреждения себе и ряду добровольцев, для того чтобы заставить часть существа Конса активизироваться и залечить повреждения. Те люди, которые не понимали технологий Предтеч, эти плащаницы, как и все остальные артефакты, считали мистическими или священными объектами.

У Риккина промелькнула мысль, не остановить ли запущенный процесс. Похоже, Хэтэуэй нащупал нечто интересное. Возможно, ему удастся найти достоверную и крайне нужную информацию о Консе. Возможно, у него получится разузнать...

...открыть массу интересных фактов. Нет, этого нельзя допустить.

– Наблюдать за Жанной чрезвычайно интересно, – заметила доктор Бибо в ответ на затянувшееся молчание гендиректора.

– Это не видеоигра! – неожиданно резко ответил он. – От Саймона требуется доказать мне и ордену, что его методика расширенного поиска заслуживает финансирования. А пока у нас нет никаких сведений ни о самом мече, ни о том, как вернуть силу этому артефакту.

На мгновение глаза доктора Бибо вспыхнули.

– Думаю, вероятно, вы недооцениваете важность голосов Жанны и ассасина...

– Пока что ассасин не сделал ничего, абсолютно ничего. Наставник, о котором вы упоминали ранее, каким образом не проявился, и Жанна, вполне возможно, разговаривает сама с собой.

– С собой она разговаривает или с кем-то еще – это отдельный вопрос. Но похоже, что у нее большой процент ДНК Предтеч. И мы непременно попытаемся, сопровождая Жанну в Шинон, выявить всех ассасинов и идентифицировать Наставника.

– В Шиноне она встречается с дофином, верно? Поправьте меня, доктор, если я ошибаюсь, но разве Жанна находит меч не после этого эпизода? Разве это не доказанный исторический факт?

– Нет свидетельств, что именно это оружие было мечом Эдема, – осторожно ответила доктор Бибо.

Несколько мгновений Риккин внимательно рассматривал ее.

– Ого, даже так... – наконец протянул Алан, – мне впервые озвучивают эту идею.

Виктория набрала в легкие побольше воздуха:

– Мы проверяем все разумные версии. В нашем распоряжении всего пять дней, и перед нами поставлены дополнительные задачи – идентифицировать Наставника и найти следы присутствия Конса. Не думаете ли вы, что это служит основанием для того, чтобы Центру исторических исследований выделить больше времени для поисков?

– Доктор Бибо, я на короткое время планирую уехать в Испанию и намерен до своего отъезда получить исчерпывающую информацию по интересующим меня вопросам. Меня не привлекает идея покинуть главный офис и оставить работу всего Центра в подвешенном состоянии. Надеюсь, вы меня понимаете. – Риккин улыбнулся, растянув губы в тонкие ниточки, и посмотрел на часы. – Я опаздываю на ланcheon. Держите меня в курсе и помните: я не требую немедленного результата.

– Да, сэр.

Как только доктор Бибо покинула офис Риккина, на его телефон в режиме «без звука» пришел текст с номера, состоявшего из одних нулей: «Фаза 1 Омега-104 запущена. Ждем инструкции. Затем последует фаза 2. Запуск подготовки Омега-105. Ожидайте».

Когда пришло время ланча, Виктория сообщила Саймону, что ему придется обедать без нее. «Кое-что случилось», – сказала она.

«Это как-то связано с „Аэри“?»

«Что-то в этом роде, – рассеянно ответила Виктория сообщением. – Встретимся в два. Постарайтесь вздремнуть, если получится».

Такой план действий Саймона вполне устраивал. У него была идея, которую хотелось проверить, и, вместо того чтобы вздремнуть, он вернулся в свой офис. Как раз в этот момент на телефон пришло сообщение. Профессор Хэтэуэй удивленно вздернул бровь – от Анайи. «Давай пообедаем вместе?»

Саймону очень хотелось отказаться, и на то было несколько причин. У него осталось достаточно еды, и идти куда-то не было надобности. У него было много работы. И... при встрече с Анайей он чувствовал себя неловко. Не потому, что у него был повод чувствовать себя виноватым. Он постарался максимально деликатно выйти из отношений. Но они еще не стали прошлым.

Он вздохнул и набрал: «Я заказал доставку в офис». Анайя поймет, что это означает, – корзину на его столе она видела не раз. Но Саймон все равно уточнил: «Спасибо за приглашение». Однако не успел он спрятать телефон в карман, как тот снова пискнул.

«Есть новости. Довольно важные».

Саймон нахмурился, последнее сообщение его немного беспокоило. Когда-то Анайя много значила для него – он даже подумывал жениться на ней. И она уж точно была не из тех, кто на пустом месте будет раздувать пожар. Они расстались всего несколько месяцев назад и позавчера пересеклись впервые за это время.

«Хорошо. Можем встретиться прямо сейчас».

«Давай. В „Буре“?»

«Как всегда».

«ОК. Скоро увидмс».

Саймон против воли скривил рот в недовольную ухмылку, прочитав последнее сообщение. Но тут же напомнил себе, что Анайя и ее команда начали пользоваться сокращениями задолго до того, как это вошло в привычку у современных детей. Вздохнув, он засунул телефон в карман и направился к лифту.

Анайя ждала его на улице, разглядывая витрины чайного магазина. На ней был элегантный брючный костюм темно-синего цвета, кремовая шелковая блузка, хорошо оттенявшая ее темную кожу, и строгого дизайна серьги – дресс-код «Абстерго», контрастировавший с вишнево-красной прядью в ее черных волосах.

Завидев Саймона, женщина улыбнулась. Хэтэуэй подошел, размышляя, что будет уместнее – пожать ей руку, поцеловать в щеку или не делать ни того ни другого. Его замешательство вызвало неловкую паузу. Лицо Анайи на секунду вспыхнуло, но затем почти сразу же расплылось в улыбке.

– Ой, да брось! – со смехом сказала она, и Саймон расслабился. У нее был легкий характер, а веселое расположение духа предполагало, что новости, которыми она хочет поделиться, хорошие. Еще одна гора с плеч. – Давай возьмем на вынос и пойдем на крышу.

– На крышу? Анайя, сейчас октябрь на дворе!

– Любовь к пляжному отдыху сделала тебя слишком чувствительным к холоду, – пошутила она.

«Абстерго» превратил отвратительно бетонную крышу своего здания в милый сад. Каждый мог прийти сюда и удобно расположиться, наслаждаясь едой и прекрасным видом. Особенно здорово на крыше было весной и летом, и Саймон вынужден был признать, осенью тоже. Желтая листва на фоне ярко-голубого неба – чудесная картина. Но верхнюю одежду он оставил в офисе, и сейчас на нем был только пиджак.

Поежившись от холода, он перешел к главному.

– Так какие у тебя новости? Надеюсь, все в порядке? – спросил Саймон, грея руки о бумажный стакан с горячим напитком.

Взгляд Анайи на какое-то время замер на ее стакане, затем она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза:

– Да, все в порядке. – Женщина набрала в грудь побольше воздуха. – В «Абстерго индастриз» открыта вакансия директора. Вчера вечером я отправила им свое резюме. Сегодня утром получила ответ, во второй половине дня состоится видеоинтервью. Если я его пройду, это будет для меня еще одна ступенька вверх по карьерной лестнице. Думаю, вакансия как раз для меня.

– Понятно. – Саймон поправил очки. Ответ от «Абстерго индастриз» пришел на удивление очень быстро, если не сказать молниеносно, и это слегка настораживало. – Анайя, ты спец в своем деле. Честно говоря, твои способности меня всегда поражали, я уверен, ты и в Монреале всех уложишь на лопатки. – Немного помолчав, Хэтэуэй добавил: – И у тебя будет возможность попрактиковать французский, я знаю, ты его обожаешь.

Ее лицо просветлело.

– Да, обожаю, – подтвердила Анайя. – Удивлена, что ты это помнишь.

– Я всегда хотел, чтобы ты была счастлива, – сказал Саймон и понял, что действительно желает ей счастья.

– Я знаю это, – сказала Анайя. – Но я пока не получила эту работу.

– Получишь. Они будут круглыми идиотами, если не возьмут тебя. Уже известно, с какого числа тебе выходить на новую работу?

– Да хоть сегодня! Ну или когда я буду готова. Много времени переезд не займет. В конце концов, я же одна.

Анайя не сделала акцента на последнем слове, но Саймона оно кольнуло. Хотя это и была простая констатация факта. Она действительно была одна, сама по себе. Если бы переезжать надо было самому Саймону, процесс также не занял бы много времени.

А потому Хэтэуэй едва заметно кивнул и перевел разговор на другую тему:

– Пока будешь там, попробуй эти их ужасные чипсы. – (Анайя вопросительно посмотрела на Саймона.) – Ты знаешь, о чем я! Такие, с подливой и сыром.

– А... ты имеешь в виду routine?[5 - Картофель фри с горячей подливой и кусочками сыра – блюдо канадской кухни.]

– Ага.

Саймону многое хотелось сказать ей. «Я буду по тебе скучать», – вертелось в голове. Хотя за последние месяцы он не отправил ей ни одной эсэмэски и ни разу не пригласил на чай. «Я виноват». Он действительно так чувствовал... Но в случившемся не было ни его, ни ее вины...

Нерешительно он сжал ее руку:

– Удачи, Анайя.

– Спасибо, Саймон.

В злобном задоре дунул ветер и пронзил холодом насквозь их одежды. На этот раз даже Анайя поежилась.

– Мне пора возвращаться. – Саймон поднял бумажный стакан в прощальном жесте, замер на мгновение, затем кивнул, в большей степени самому себе, нежели ей, развернулся и двинулся в сторону выхода.

Анайя же осталась стоять под холодным, но чистым осенним небом. Саймону сделалось невыносимо грустно.

– По поводу голосов Жанны у меня есть теория, – сказал профессор Хэтэуэй, когда они с доктором Бибо после их отдельного ланча спускались на лифте вниз, в зал «Анимуса».

Виктория внимательно посмотрела на него:

– Прежде чем мы начнем обсуждать вашу теорию, скажите, у вас все в порядке?

Саймону казалось, что она выглядит хуже его, и потому он не собирался обременять ее рассказами об Анайе. Да и что рассказывать? «Моя бывшая девушка, с которой я не виделся несколько месяцев до того самого момента, когда мы втроем столкнулись в лифте, собирается менять работу»? Чепуха какая-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тогда приступим (фр.).

2

Да (фр.).

3

«Железная дева» – средневековое орудие пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена длинными острыми гвоздями.

4

Предназначенная для мужчин разновидность колгот с гульфиком. В Средние века шоссы были неотъемлемой частью мужского гардероба.

5

Картофель фри с горячей подливой и кусочками сыра – блюдо канадской кухни.

Купить: <https://telnovel.com/kristi-golden/assassin-s-creed-eres>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)